

Эльга МИРА

УЛИТКА

Киев
Саммит-Книга
2016

УДК 821.161.1'06(477)-31
ББК 84(4Укр=Рос)6-44
М63

Мира, Эльга

М63 Улитка : роман / Эльга Мира. — К. : Саммит-Книга, 2016. — 391 с.

ISBN 978-617-7350-59-9

Вторая книга автора нашумевшего эпатазирующего романа «Скорлупа» Эльга Мира поведет нас из Украинской столицы в Австрию, где в самом сердце Европы развернется необычайная история глубоких отношений, вне морали и табу.

В поисках того самого, единственного мужчины киевлянка Свята ни на миг не забывает о прекрасном юноше по имени Джудит. Они могли бы стать отличной парой, но... Джудит — гей, а значит, им не суждено быть вместе. Действительно ли это так? И может ли смириться любящая душа с ошибкой хромосом? Взгляните на отношения мужчины и женщины с неизведанной ранее стороны!

В продолжение «Скорлупы», роман раскрывает новую грань психофизических отклонений человека — «синдром созависимой личности», поступки которой приводят в итоге к трагическим и необратимым последствиям. Книга динамична, захватывает вихрем эмоций, великолепным описанием глубин человеческой души...

УДК 821.161.1'06(477)-31
ББК 84(4Укр=Рос)6-44

ISBN 978-617-7350-59-9

© Эльга Мира, 2016

Содержание

Пролог	4
Часть I. ВЕНА.....	6
Часть II. ДЕНЬ КУКУШКИ	25
Часть III. ДОЛЬЧЕ ВИТА	77
Часть IV. В ФУТЛЯРЕ	158
Часть V. МИРАЖИ	175
Часть VI. ВЕСНА.....	227
Часть VII. ОТЧУЖДЕНИЕ	304
Часть VIII. ВОСХОЖДЕНИЕ	322
Часть IX. РАССТАВАНИЕ	338
Часть X. НАЧАЛО КОНЦА.....	367
Часть XI. И СНОВА НАЧАЛО.....	390

*Мужчины, женщины,
постоянно рождающиеся для любви,
в полный голос заявите о своем чувстве,
кричите: «Я люблю тебя»,
вопреки всем страданиям, проклятиям,
презрению скотов, хуле моралистов.
Кричите это вопреки всяческим превратностям,
утратам, вопреки самой смерти...
Любить — это единственный смысл жизни.
И смысл смыслов, смысл счастья.*

Поль Верлен

ПРОЛОГ

Я всегда была романтической дурехой, «грезящей снами о чем-то большем». К сожалению, это «большее» частенько заводило меня на экстремальную тропу, где мечты разбивались о депрессивную явь. Так, в свое время из-за одержимости приключениями строптивное дитя постсоветских девяностых умудрилось оценить уйму прелестей дворовой жизни со всеми вытекающими. Побег из дома, безразмерная футболка с листом конопли на груди, стрижка под мальчика, темные подворотни... Скажите, зачем все это мажорному подростку, продирающему глаза под песнь соловья на престижнейшей из киевских улиц — Заньковецкой? Знай себе поглощай плоды родительского капитала! Ан нет! Барышня томилась по ушедшим в ночь бродягам, дрожала струной в унисон высокой в небе звезде, зовущей в путь. И посему пижама-пати с беззаботными подружками сменились чердаками высоток спального района, а пирожные и

мороженое — дешевым портвейном. Там, внутри священного круга, мы все словно превращались в пульсирующую вену, из которой рвалось наружу: «Перемен! Мы ждем перемен!» Гулкое эхо, отскакивающее от бетонных балок нашего чердачного святилища, все еще звучит в моих ушах...

Бесспорно, у каждого поколения свои идеалы и иллюзии. Жаль только, что в идеи последних героев, помимо оголтелой романтики, подмешался извращенный подтекст. Опьяненная шальной свободой молодежь пускалась во все тяжкие, в итоге — половина не перешагнула двадцатилетний рубеж. До сих пор не могу понять, как унесла ноги из тех чердачных наркопритонов и что именно послужило поводом к побегу — разочарование, частенько сопутствовавшее иллюзиям, или спасительный перст судьбы. Мне искренне верилось в свой «неформат» среди зажавшихся толстосумов. Только вот, в отличие от истинных бунтарей, кичащихся своим тотальным безденежьем по настоящей нужде, а не из прихоти, я всегда могла вернуться в среду достатка и безграничных выгод. А потому плюнуть в душу предков, защищая свои принципы, было очень легко и просто. Так же легко, как и, надменно хлопнув дверью, отправиться на поиски великих авантюр.

Как бы там ни было, лихие девяностые благополучно промелькнули мимо, и жизнь понесла меня дальше — в нулевые годы нового тысячелетия. Наигравшись в революционеров, отбросив прошлое, я двинулась по вполне закономерной для своего круга траектории. Учеба за границей, дорогая машина, богатые друзья, переезд в Вену. О жизни в этом городе и пойдет мой рассказ.

Часть I

ВЕНА

ГЛАВА 1

Вена. Великая и прекрасная Виндбона, украшенная кружевами соборов, чьи шпили, словно птицы, уносятся вверх, к небесам. Вена. Чарующая и гипнотизирующая. Царица Европы. Нет тебе равных — от греческих островов до скандинавских фиордов!

Рождественской открыткой, вечной сказкой со счастливым концом мнится жизнь твоя, и кажется невыносимо очаровательным мир вокруг, переполненный искрящимся светом, овеянный пьянящим покоем. Беззаботно, легко время кружится под музыку венского вальса, несутся сквозь годы кринолины, шифоновые шлейфы, тончайшие паутинки гипюровых перчаток. Не успеешь оглянуться, за ними в архив веков упорхнут мини-юбки, легинсы, водолазки, а на смену придут другие модные веяния, которые Белокурая Сердцеедка также примет с величавым радушием королевы. Ну и пусть! Разве имеет значение брэнная мишура для тех, кому Вечная Невеста позволила прикоснуться к своей нежной руке?!

Ах она жеманница! Какая же жеманница! Игривая, тонкая, томная...

Утром — салоны, вечером — Опера. Лошади, кареты, рауты, светские приемы. Раз, два, три. Раз, два, три. Раз, два, три. Век девятнадцатый.

Утром — парикмахерская, вечером — кино. Авто, коктейли, диско-клубы.

Раз, два, три. Раз, два, три. Раз, два, три. Век двадцатый.

За ним следом и двадцать первый подоспел. Раз, два, три. Раз, два, три. Раз, два, три...

Всего лишь три такта прозвучало, а молодость промелькнула. Потом средний возраст отойдет, закат покажется, и так захочется хотя бы сороковник вытащить из мешка фортуны! Но, увы, старение необратимо.

Гигантская мясорубка беспощадно перемалывает истории людей, то бросая их в темную бездну войн, то одаривая великими открытиями, и только Вена — неприступная и гордая, нарядная и царственно безразличная — будет стоять веками, неизменно отвергая пошлость, суету и претензии неудачников.

Люблю ли я этот город? Сейчас уже однозначно ответить сложно. Слишком многое пришлось оставить в нем, слишком дорогое похоронить. Но тогда, восемь лет назад, прыгнув прямо с трапа самолета в новенький Порш Кайман закадычной студенческой подруги Элизабет, по кличке Сиси, горячая южанка, млея от удовольствия, ощутила, как жизнь превращается в бесконечный праздник.

Шел 2004 год... Решение обосноваться в австрийской столице сложилось из разноцветной мозаики: профессиональных амбиций, привязанностей, близких друзей, но самой главной причиной было чувство дома, что появлялось всякий раз по приезду сюда. Каждое дерево приветливо салютовало мне ветками, каждая улица манила и звала. Не говоря уже о птицах, щебечущих на все голоса: оставайся — мир падет к твоим ногам! Я внимала их пению, будто пророчеству,

глубоко вдыхая пьянящий воздух. Мне верилось: стоит лишь в нужный момент уловить витающие здесь звуки музыки, разглядеть палитру городских красок, и на меня снизойдет божественное вдохновение. Оно впишет новое имя в недосыгаемый ряд гениев, где-то между Моцартом и Кокошкой.

Рукоплещи и ликуй, народ! Здесь появилась очередная звезда...

Юность горяча и самоуверенна. Жаль, ей, заливчатской, задиристой, творческой, не всегда достает ожесточенного напора зрелых лет. Если бы она понимала необратимость каждого дня, мир чаще наполнялся бы шедеврами и открытиями. Но, наивно полагая, будто ветер времени лишь прошуршит в волосах, сильно не потрепав, расточает весна жизни бесценную энергию, упуская момент, теряя шанс. Так порой из-за праздности и легкомыслия умирают, едва зародившись в сердце, новая Седьмая Симфония или незабываемый Реквием.

Однако стоит вернуться в солнечный день, к упомянутой выше «будущей звезде», которая, ерзая на гладкой коже авто, мысленно рисовала феерию со счастливым концом. В ней искушенный жизнью чувственный красавец однажды обязательно должен был крепкими ладонями прикоснуться к девичьей груди и с трогательной нежностью прошептать, чуть дыша: «В тебе весь мой мир!» Даже повзрослев, я осталась все той же восторженной дурехой.

Венская страница моей жизни призвана была означать очередной этап — назовем его «возвращение к Дольче Вита». К тому моменту мне казалось, что юношеский максимализм окончательно остался за поворотом. Начались по-хорошему сумасшедшие годы, когда легкомыслие позволяет, ни о чем не

тревожась, гулять напропалую, безнадежно страдать из-за упущенной на предраспродаже майки *Philipp Plein* и не строить планов дальше завтрашнего похода в косметологический салон. Между дворовым детством и беззаботным австрийским вальсом еще затесался пятилетний путь к знаниям на факультете международного права в Лозаннском университете, недолгая связь с преподавателем истории, а также знакомство с самой красивой и безбашенной блондинкой студенческого городка Элизабет Хильденбраун — музой, подругой, соратницей и подельницей. Что только мы с ней ни вытворяли, подстегнутые озорством и гормонами! Сколько невероятных историй осталось благодаря нашим выходкам в кулуарах кампуса... Безмерная привязанность друг к другу не дала расстаться даже по окончанию обучения. На выпускном Бет решительно заявила:

— Дорогая, ты едешь со мной, и точка!

Стоит ли срываться навстречу новым приключениям? Безусловно да! Туда, где нет места скуке, туда, где уже изнемогает от ожидания фортуна, где в один прекрасный день портнихи пошьют подвенечное платье...

— О чем задумалась? — рука Сиси легла мне на колено.

Музыка в машине стала громче. Бушующие децибелы быстро вернули к жизни.

— Размышляю, как много понадобится сил, чтобы вытравить универ из памяти, — соврала я.

— Самую малость, поверь! — засмеялась она в ответ.

На самом деле замужество для меня всегда было скорее эстетической картинкой, эффектным кадром из мелодрамы, нежели предметом страстного

желания и ближайшей целью. Нет, конечно, мечты раскрашивали будущее в радужные тона, но слишком много еще хотелось натворить до момента судьбоносной встречи — иначе в чем потом смиренно каяться? А если ты еще и тщеславна, хороша собой, грезишь бурными страстями, если обладаешь в придачу запасом времени и сил — пиши-пропало, накуролесить удастся намного больше, чем позволят замолить... Так что семейная жизнь подождет — вперед к авантюрам! Совершать глупости, гулять ночи напролет, притягивать самое чумовое: случайные знакомства, невероятные истории, серьезные неприятности. Не стану скрывать: последних в моей жизни хватило бы на десяток мыльных опер, а всему виной чертова инфантильность, неспособность в нужный момент принять ответственность за свои поступки. Забегая вперед, скажу: потакание прихотям толкнет меня однажды к отношениям, довольно странным для девушки, имеющей совершенно нормальные виды на нормальных парней. Сердце без сожаления пойдет наперекор здравому смыслу, будет обманываться раз за разом, лишь бы подольше остаться рядом с тем, чье призрачное присутствие ощущаю до сих пор. Убежденная, что зудящее стремление окружающих навешивать ярлыки на происходящее исходит только из их скудного житейского аппетита, я пренебрегу моралью и устоями, разорву связи с семьей и друзьями.

Говорят, учатся на собственных ошибках. В отношении меня это правило регулярно давало сбой.

Хотелось бы мне, вернувшись в прошлое, изменить долгий и порой не самый достойный путь взросления с банальными, но не становящимися менее драматичными ошибками? Не уверена. Ведь совершает их человек, по сути, подчиняясь единственной

жажде — быть счастливым. К тому же не существует правильного выбора, существует один из возможных. Мне остается лишь, пеняя на саму себя, с холодной четкостью наблюдателя пересказать историю маленькой драмы, приведшей к необратимым последствиям.

ГЛАВА 2

Первые пару лет венской эпопеи мои амбиции подкреплялись довольно серьезным материальным подспорьем с родительской стороны, что позволяло с безрассудным шиком тратить деньги на любые прихоти. Моя натура не отличалась необузданным мотовством, но столица располагала к жизни на широкую ногу. Посему окна шикарной мебелировки, снятой мною сразу по приезду, конечно же, выходили на Ратушу! Теплые тона интерьера, просторная и все же уютная гостиная в стиле бидермейер: стены, украшенные фотографиями и акварелями в красивых деревянных рамах, изящный антикварный стол в центре зала, рояль, камин и клетка с канарейкой — все стремилось к сентиментальной винтажной пышности, но смотрелось по-венски и умиляло до слез.

По утрам, после бурной ночи, я любила, растянувшись в шезлонге на просторном балконе, с наушниками в ушах наблюдать за потоком человеческой реки, проплывающей мимо. Он то расширял свое русло на огромных площадях, то сужался на маленьких улочках. Люди торопились поймать удачу за хвост. Мое же тело праздно млело на солнце от удовольствия. Оно имело все, что только пожелаешь!

А потом, однажды, эта река, обхитрив лихо, подхватила и понесла меня. Перекочевывая из одной

квартиры в другую, меняя истории, мужчин, поездки, этажи, я очутилась в скромной комнатухе с большим семейством по соседству. В двадцатиметровой каменной шкатулке с окнами во двор начался жизненный отсчет без особых средств для существования, но с полной уверенностью, что счастье в чем-то большем. С тех пор пробежало почти десятилетие. Так быстро пробежало! Но, стоит закрыть глаза, снова вижу наш переулок. Вот он, сонный, безмятежный, лишенный привычного пафоса. Пожалуй, такая картина придется по сердцу тем, кто не любит подсматривать за бурлящей жизнью эпохи. Я и сама с неких пор перестала принадлежать к числу алчных обжор, питающихся гулом переполненных проспектов. Тем не менее, по началу, не стану скрывать, оглядывая свое немудреное царство, я кляла гордыню, не позволяющую попросить очередного родительского прощения, а вместе с ним и денег для благополучного возвращения в мир достатка.

Конечно, послевкусие красивой жизни держалось на языке у памяти еще долго, но признаться семье в том, что моя философия о поиске личного пути — по-прежнему юношеский максимализм, а слова: «В зависимости всегда много злости, напряжения, вины, невыносимости!» — детский лепет, оказалось намного сложнее.

Сейчас, глядя на пачку белых чистых листов на столе, хочу впервые признаться: невзирая на происки судьбы, потрепавшей меня изрядно, я все же признательна ей хотя бы за то, что в водовороте бессмысленных жестокостей и вероломства всегда присутствовала теплота старых стен. Именно в них благодаря близким людям мне удалось обрести и удержать на время странное чувство, знакомое лишь усталому

путнику, когда он, уже укутанный в теплый плед, смотрит на языки огня в пылающем камине.

Иногда по утрам, поднявшись на крышу своего дома, я смотрю в лицо просыпающемуся городу, на прохожих, спешащих по своим делам, на водителей, усердно пытающихся припарковать свое авто в непопулярном месте, и вспоминаю фразу, сказанную мне однажды:

«Мир настолько плох, насколько и хорош. Все зависит только от того, как ты воспринимаешь его в тот или иной момент...»

ГЛАВА 3

Его звали Джудит.

Да-да! Джудит! Вы не ослышались, именно так, Джудит. Парень с женским именем — нелепость столь вздорная, что даже засмеяться не грех! Это после долгих лет, проведенных бок о бок, оно приобретет иное звучание, станет столь же привычным, как Виктор, Аркадий, Эрик, Роб, и даже намного роднее. Когда образ оказывается востократ глубже формы — абсурд исчезает. «Сильный человек больше своего изъяна»... Объяснение вроде бы удовлетворительное, да только тогда, при первой встрече, я, еще не осознав это, ошеломленно подумала: «Какая глупая кличка!»

Удивительно, но дикость родительской шутки никоим образом не задевала мужское самолюбие Джудит. Напротив, естественность, с которой мой друг носил глупейшее из имен, создавала вокруг кареглазого красавца особую ауру и лишь дополняла его невероятное обаяние и харизму. Остроумный шутник с искрометным взглядом своей энергией притягивал

окружающих с первых же минут, становясь желанным в любой компании. Стоило Джу лишь прищуриться и скривиться шаловливо, собеседник сразу же оказывался во власти его чар, восхищенно думая: «Надо же! Какой потрясный кент!» Однако, несмотря на открытую лучезарную улыбку и компанейскую натуру, симпатяга обладал достаточно скрытным нравом и держался со всеми на еле уловимой, но все же — дистанции.

В нашем кругу, среди когорты персонажей, где каждый мог похвастаться оригинальностью поведения, Джудит, пожалуй, останется навсегда самой загадочной и противоречивой фигурой. О его детстве ничего не знали даже самые близкие друзья. По словам Джу, мать умерла, когда мальчику не исполнилось и тринадцати, об отце вообще разговор не заводился. Где провел он свое отрочество перед тем, как поступить в венскую консерваторию на факультет «Компьютерная музыка и электронные СМИ», чьи родственники жили в Граце, куда отправлялся на выходные наш неотразимый сердцеед, мы толком представления не имели. Джудит не очень-то впускал в глубокие воды своего прошлого, тщательно дозируя информацию о себе.

Правда, однажды, уже живя с ним под одной крышей, я случайно наткнулась в старых коробках на фотографию юноши лет семнадцати, чья совершенно андрогинная внешность шокировала необычной красотой. Длинные черные волосы с отливом обрамляли узкое лицо с нежной, без малейшего изъяна кожей. Безупречный изгиб чуть подкрашенных бровей, ровный нос, чувственный рот, легкая улыбка — уголок верхней губы прячется в еле заметной складочке. Голова изящно наклонена, ресницы томно опущены.

И ни малейших признаков пола — не то девчонка, не то мальчик. Захочешь — не разберешь! Крылось в этой идеальной гармонии что-то от сакральной мечты о Сверхчеловеке. Поверить в ангельскую природу создания казалось проще простого, если бы не пронизывающий насквозь взгляд. Взрослый и вызывающий, он резко контрастировал с хрупкой выразительностью, придавая снимку оттенок странной противоестественности. Когда я сумела, наконец, отвести глаза от фотокарточки, то ощутила, как мой мир вывернулся наизнанку. Просто невозможно описать отчаянную боль в груди и томление замороженного сердца. Так же, как и невозможно было в тот момент разогнать мутный ил, поднявшийся из глубин души!

Я встретила Джу совсем иным. В двадцать три черты его лица приобрели мужественность, а тело окрепло. Андрогинность не оставила после себя и следа, но красотой, заигравшей абсолютно новыми оттенками, по-прежнему хотелось захлебнуться! Одна только бесстыжая сочность вздернутой верхней губы притягивала неумолимо, и пить мечталось с этих губ до одури, до бреда.

Что еще могу вспомнить о нем?

Он брил грудь, обожал головные уборы, писал левой рукой, был слегка близорук, но очки надевал лишь в сумерках или в дополнение к одному из многочисленных ярких образов. Впрочем, весь его имидж строился на небрежном шарме и очаровании не то хулигана, не то кинозвезды — человека, которому есть дело до своей внешности, но он не возводит ее в культ. Фантастические комбинации элегантных рубаш с кожаными напульсниками или строгих брюк с «гангстерской» кепкой являлись элементами своеобразного флирта — причем не с окружающими,

а с самим собой. При этом за Джу не наблюдалось излишнего себялюбия, скорее безразличие к оценке со стороны.

«Я слышу вас, но не воспринимаю всерьез».

Потому как:

«Если начать воспринимать мир серьезно, он убьет тебя».

Этому правилу парень следовал неуклонно. Играя в жизнь, он с упоением поддавался самым разрушительным порывам, приводившим его к абсолютно безумным и бесстыдным ситуациям. Однажды Джу дит поведал мне историю циничной сделки, которую заключил с неким богатым мужичонкой еще на заре своих студенческих лет.

— Это было лет пять назад. Мы с приятелем попали на закрытую благотворительную вечеринку, кажется, по сбору средств на частный детский дом. Умора оказалась еще та. Приглашенные толстосумы в сжатые сроки, перед тем, как надраться до поросычьего визга, пытались заняться благородным делом. Девушки из фонда помощи метались между столиками, как ужаленные, стараясь успеть до наступления полного пофигизма выжать из них побольше денег.

Итак! Вечер в разгаре, о сиротах давно позабыто. Мой друг отошел в туалет, а я, уже конкретно набравшись, да перед этим еще и нюхнув, упал за один из свободных столиков, чтобы отдохнуть и немного прийти в себя. Сижу, пью дорогую минералку и вдруг улавливаю на себе липкий до омерзения взгляд кудрявого крепыша под полтинник в костюме от Тома Форда.

— Чего тебе, приятель? — спрашиваю у него наглым тоном. Если бы не кокс, точно бы на такое не решился.

— Отсосать, — еще более нагло отвечает тот, похотливо улыбаясь.

— Две штуки, — не моргнув, отвечаю, понимая, что не заплатит, жадный черт. — На благотворительные нужды, — добавляю серьезно, а самого просто распирает от смеха.

И тут он, громко заржав, подзывает девицу из фонда.

— Эй! Девушка, для бедных сироток от меня. Запишите!

Я обомлел, но слово есть слово, за язык никто не тянул. Так мне удалось внести свою скромную лепту в развитие детского приюта.

На лице Джудит ни капли стыда или сожаления. Просто холодная констатация фактов. Вот такой он беспринципный тип! Вот такое веселье!

Надо сказать, практически любые эскапады сходили безобразнику с рук. Стоило ему только куражливо хохотнуть — и парню прощалось все. А напрасно. Опытный манипулятор умело играл без правил! Уж если Джу желал кого-то обаять или проучить, «театр одного актера» приобретал черты поистине демонического лицедейства. В чуть хриплый голос умело вкрадывались нежные ноты. Нечаянно упавшая на глаза челка подчеркивала маслянистый взгляд, который нет-нет да и прострелит тебя электрическим разрядом — от макушки до низа живота. Но как только власть установлена — холодная отстраненная безмятежность: «Что вы, я весь во внимании. Хотя, если честно, наш разговор ни о чем».

О, это было его любимое развлечение... Гипнотический маятник, качающийся между огнем и льдом, доводящий до умопомрачения. Вот он рядом, и вот

его нет. А через мгновение снова эмоциональная атака, от которой у тебя жар в груди и бешено скачет пульс даже при легком прикосновении или еле уловимой ухмылке. Искусство соблазнения было у гаденьша в крови!

— Когда-нибудь я раздену голого! — воскликнул однажды Джудит, и все присутствующие засмеялись банальной шутке. Он тоже засмеялся, а я застыла ошеломленно. За бахвальством, пустой игрой слов мне почудился грядущий страшный поступок, после которого все изменится.

И с тех пор, что бы я ни делала — слушала ли по утрам усталый голос друга, наблюдала ли за искренне дурашливой возней с малышами на улице, за надутой по-детски нижней губой во время наших ссор, я молила небо подольше не позволять найти ему этого голого, которого он, не задумываясь, разденет.

Состояние вечного праздника помогало Джу выжить, но именно балансирование на грани фола немолимо толкало к последней черте.

Пыталась ли я отговорить Джудит от бега «в никуда»? Конечно, несчетное количество раз. А он лишь смеялся и все дальше увлекал меня в лабиринты своей жизни — яркой, неординарной, наполненной весельем и экстравагантностями. Но, несмотря на принятые мной правила игры, из-за которых пришлось переосмыслить множество ценностей, я оставалась обыкновенной девчонкой с простыми желаниями и чувствами. Устав гнаться за тенью своей иллюзии, однажды я изменила курс, считая свой поступок верным. Теперь, спустя годы, могу признаться без ужимок — истинность отношений не всегда определяется привычными стандартами. Жизнь неоднозначна

и многообразна, в этом ее безумный, не заканчивающийся рок-н-ролл.

Кто-то сравнил любовь с фашизмом. Будто на самом деле мы не любим человека, находящегося рядом, а изменяем его до тех пор, пока он не станет тем, кого мы хотим полюбить. Нам с Джудит удалось пережить совершенно иное чувство. Не перекраивая друг друга, мы научились отражать и отражаться, почти превратились в единое целое. Не думаю, что такие отношения могли продолжаться долго, да и что такое «долго». Мы БЫЛИ и ЧУВСТВОВАЛИ — это самое главное.

ГЛАВА 4

Квартира, где мы с Джудит снимали каждый по комнате, напоминала советскую коммуналку в престижном районе. Когда-то мой друг Серега Никифоров обитал в похожей на улице Пирогова, недалеко от старого ботанического сада. Дореволюционное здание, высокие потолки, чужие люди, ставшие по воле случая одной семьей с общими праздниками и ссорами. Что-то подобное получили и мы с Джу в придачу к арендованным метрам.

Наши апартаменты располагались в Оттакринге, шестнадцатом районе Вены. Несмотря на отсутствие в них фешенебельной новизны, выглядели они весьма достойно. Помимо четырех небольших комнат, там даже имелся отдельный от кухни гостиный зал, в котором прекрасно уживались кожаный диван с затертыми деревянными ручками, два кресла, журнальный столик на кованых ножках, фортепиано и письменный стол. Спальня с детской принадлежали хозяйке,

Стефании Хайдер, немолодой даме, и ее двум внукам: Гретте и Рихарду.

Фрау Хайдер, экономист по образованию, уже много лет работала вторым бухгалтером в частной компании, производящей магниты. Сотрудником она слыла отменным и первые годы рассчитывала на повышение, но частые отсутствия по болезни малышей свели ее карьеру к нулю, и мечта о служебном продвижении осталась в прошлом. Теперь, когда на горизонте замаячила пенсия, Стефи думала лишь об одном: как можно дольше продержаться на этом месте. Ведь, несмотря на сдачу квартиры внаем, денег все равно не хватало. Уж так устроены дети, им всегда что-то жизненно необходимо! А Стефания, хоть и старалась воспитывать внуков в строгости, никогда и ни в чем не могла им отказать.

— Этим ребятам досталась не лучшая судьба, — вздыхая, повторяла она всякий раз, когда предстояло расстаться со значительной суммой.

Подобные акты самоотверженности вызывали во мне восхищенное недоумение. Глядя на жизнь, полную лишений и женского одиночества, я задавалась вопросом: есть ли смысл в безграничном самопожертвовании во имя другого, пусть даже самого любимого существа, если это ведет к собственной деградации? Можно ли ценой ущемления личной свободы, при котором достижение целей и развитие сводится к нолю, быть истинно счастливым, не растворяясь в ком-то другом, без примеси ответственности и долга?! Готова была поспорить на все, что угодно, — нет. Но пример австрийской женщины доказывал обратное. И, если честно, меня это наталкивало лишь на грустные мысли. Ведь порой, подавлявая нашу Золушку за тайной примеркой старых «мини», я

понимала: кроме воспоминаний, у нее ничего больше не осталось.

Вот она восторженной юной девчонкой легко и непринужденно кружится возле зеркала на цыпочках, а вот уже ее рука торопливо прячет вещи в шкаф. Госпожа Самоотдача устыдилась мимолетной слабости! И снова пропахшие нафталином одежды засыпали ледяным сном в деревянном саркофаге, становясь наживкой для моли. Вредоносная бабочка, вылетая из шляп и шубы, безжалостно уносила на серых крыльях молодые годы, дерзкие мечты, давно поблекшую жажду к приключениям.

Подсматривая за метаморфозами, происходящими с хозяйкой, я злилась. Черт! Как жаль, что теперь ей не до нарядов! Ведь когда-то в них танцевали, смеялись, целовались в укромных местечках, влюблялись и влюбляли. Разве можно о таком забыть?! Хотя, если захотеть, забыть можно все. Помнить — намного тяжелее...

Надо отметить, Стефания, несмотря на возраст, сохраняла не только гардероб семидесятых, но и красоту минувших дней. Судя по фотографиям молодости, на которых красовалась высокая стройная студентка с глазами цвета полевых васильков, пленила она не один десяток мужчин. Почему именно Питер Хайдер, преподаватель литературы — по рассказам, совершенно невзрачный простак, — смог покорить неприступное сердце, для меня так и осталось загадкой! Уж и не знаю, к каким запретным приемам прибег он, но всего через несколько месяцев ухаживаний Стефи приняла его предложение руки и сердца. Влюбленный мужчина ликовал — вот оно, счастье! Аминь! Не тут-то было... Их браку не судилось продлиться долго. Новоиспеченный муж внезапно заболел

воспалением легких и скоропостижно скончался от горячки, перед смертью, правда, успев прошептать: «Все же я жил не зря!» Уходя, Питер кротко улыбался, до рождения их дочери оставалось чуть меньше месяца! Пусть ей никогда не увидит отца, зато она будет носить имя Кэтрин, выбранное им... После похорон Стефания стала лишь чуть печальней, но не утратила силы духа. Героически выдерживая все лишения, не склонная роптать, молодая женщина шла по жизни с высоко поднятой головой. От родителей в наследство ей досталась квартира, а от мужа — небольшие сбережения.

— Ничего, как-нибудь справлюсь, лишь бы Кэтрин нашла свое счастье, — решила она.

Разумеется, девочку мать воспитывала в совершенной строгости и целомудрии, стараясь привить ей лучшие из человеческих качеств. Малышка росла очень милой и послушной, что, правда, не помешало ей принести в подоле двух хорошеньких карапузов, одного за другим — девочку и мальчика... А затем исчезнуть за океаном с очередным любовником. Бывают же такие кукушки! Два раза в год из Нью-Джерси приходят переводы со слезливыми словами вроде: «Даже и не прошу меня простить». Смех да и только! Кому нужны твои бабки, сука бессердечная!

И снова, не сетуя на судьбу, Стефания взяла опеку над внуками, а также над лишайным котенком, приблудившимся к ее дому однажды летом, после дождя...

Порой, в моменты ностальгических переживаний, Стефи подолгу смотрит на себя в зеркало и украдкой вздыхает. А иногда сентиментально вспоминает Сташека — польского инженера, приезжавшего пару раз по обмену опытом в их контору...

Кто-то скажет: нелепо прожитая жизнь, одна большая «пустошь». Может быть — я не берусь судить. Но вот удивительная вещь — в молодости мы с высокомерным превосходством взираем на старшее поколение, самоуверенно полагая, что ошибки, сделанные ими, — признак слабости характера или косности ума. Но приходит время, и, осознав необратимость собственного пути, мы сами начинаем глядеть с благоговейным восторгом на новую кровь, идущую следом за нами, чувствуя жгучую необходимость в общении с ней. Думаю, каждый в определенный момент «невозврата» становится *пустошью*, когда заканчиваются варианты и остается единственная дорога.

О том времени можно рассказать много и хорошего, и плохого. Мы с соседями и надоедали друг другу, и ругались, и злились. Но чаще пили вместе чай по вечерам, лакомились кулинарными шедеврами нашей Мэри Поппинс, а потом играли в бридж или в Монополию. До сих пор перед глазами мелькают картины прошлого. Они настолько сильны и яркие, что их не смогла обезличить память, не сумело стереть время. Вот облепленный детишками, беззаботный и веселый Джудит запускает в парке воздушного змея. Вот я тискаю кота, и мы вместе мурлычем от удовольствия. Коту определенно нравится наша компания, поэтому он доверчиво растопыривает лапы и слегка покусывает меня за пальцы. Вот юная Гретта сплетает веночек из ромашек и украшает им голову Джу, а я испытываю легкую ревность. Вот Стефания, всегда строга и сурова, но неугомонный Рихард сумел ее растормошить, и она хохочет и бьет себя руками по бедрам, а мой друг лукаво улыбается — мол, то ли еще будет.

Пролистывая мысленно страницы наших с Джудит отношений, я никак не могу вспомнить, в какой же момент он полностью завладел моей жизнью...

Кажется, управлять бегом судьбы так просто! Но иногда она возьмет да и подбросит парадоксальный сюжет, переместив обыкновенную девчонку с танцполов дискотек в тематический клуб, где не существует другой любви, кроме однополрой. Удивительно, но в период, когда все эти метаморфозы происходили со мной, я свято верила в безграничность собственного счастья!

Наверное, правильнее было бы повести рассказ в хронологическом порядке, начав его с детских лет и юности девчонки, родившейся в самом красивом уголке Крыма — приморской Алуште, а после переехавшей вместе с родителями в украинскую столицу. Стоило бы упомянуть о младшем брате Даниле, с которым мы всегда понимали друг друга без слов, о матери — красавице, нежной и доброй, отце — настоящем человеке дела. Уместно также было бы объяснить, какую роль сыграла в моей жизни австрийская аристократка с глазами снежного зимнего неба — Элизабет, по кличке Сиси, рассказать о моем долгом и тяжелом романе с ее кузеном Робертом. Но я рискну представить свою историю с середины, заранее пожертвовав легкостью романа. Повествование начнется двумя годами позднее моего триумфального приезда в Вену. Останутся позади тесная дружба с подружкой, безумные вечеринки, тяжесть расставания с любимым мужчиной, утерянное родительское доверие и многое другое. Я пойду по дороге жизни за Джудит. Слишком близко, чтобы это не оставило следа.

Часть II

ДЕНЬ КУКУШКИ

ГЛАВА 1

Деревянная кукушка, звонко прокричав двенадцать раз, спряталась внутри часов до следующего своего фирменного выхода. Этот раритет, изготовленный в старину немецким мастером из города Вальдау, остался в комнате только из уважения к Стефании. Весь остальной хозяйский интерьер был заменен стильной, сделанной под старину мебелью, превратившей «незамысловатые стены» в будуар XVIII века.

— Удивительно, как мне удалось привыкнуть к ее постоянному кукованию?! — подумала я с легкой иронией, продолжая с любовью осматривать свои владения.

Большому велюровому креслу с инкрустацией в стиле ампир было отведено самое почетное место — в центре моих «хором», напротив окна. Мы с Джудит купили его в антикварке на Кальмаркт полгода назад за баснословные деньги и не прогадали. Позднее, когда я буду распродавать свои вещи, мне предложат за него двойную цену. На этом мягком троне я и восседала в тот день, подобно королеве.

Обычно, когда мы собирались у меня, Джу при-таскивал стул из холла или разваливался на кровати, но сегодня он уселся на ковре возле моих ног, такой близкий, такой родной. Просматривая иллюстрации

книги «Истории театрального костюма», он совершенно забыл о моем существовании. Ничего, пусть летает! Все равно не выдержит и первым начнет разговор. В тайной надежде я продолжаю молча накручивать мягкие мужские волосы на свой палец.

За окном в голубую лазурь вплетались белые молочные облака. На крыше соседского дома наслаждался одиночеством бело-рыжий кот. Лежа на спине, положив лапу на лапу, он довольно шевелил усами. Мне показалось, в этот момент мы с ним были очень похожи — оба, разомлев, жмурились от удовольствия.

«Мой милый мотылек. Ты со мной, и это главное», — подумала я с нежностью, глядя на друга. Словно услышав мои мысли, тот на мгновение поднял голову и, рассеянно улыбнувшись, пощекотал меня под коленом.

На Джудит элегантная белая рубаша в еле заметную голубую полоску. Манжеты на рукавах расстегнуты, на левом запястье часы Ulysse Nardine — подарок богатого любовника. Его внешность меня по-прежнему волнует. Что поделать, за эти годы я так и не научилась без трепета относиться к этой красоте. Странно, до сих пор не могу понять, как судьба слепила из нас одно единое целое — чудное, бессмысленное и все же единое целое!

На какое-то время все снова замирает, и я, заложив руки за голову, погружаюсь в воспоминания...

...Тогда, в мое первое венское лето, жара стояла неимоверная. Все открытые террасы ресторанов и кафе пустовали днем, а экскурсионные автобусы курсировали полупустыми. Люди прятались в охлажденных помещениях, стараясь не высовываться на улицу. Мы с подружкой были не исключением. Огромная

квартира Сиси, в гостях у которой я пропадала в ту пору сутками, представляла собой пространство вечной тусовки, где приходящая толпа даже не удосуживалась запомнить имена друг друга. Особенно тесно становилось по пятницам. В преддверии выходных жаждущий развлечений пипл стекался в этот дом со всех уголков мегаполиса. Вот и в ту пятницу, несмотря на работающий кондиционер, в комнате, битком набитой народом, нечем было дышать. Я вышла на балкон в надежде отвоевать лишнее дуновение ветра. Заходящее солнце искусно красило здания в молочно-розовый цвет, играя полутонами, лениво сползло по горячим крышам в окна. Пыльная листва чуть слышно шелестела на деревьях, а одуревшим от жары птицам петь казалось и вовсе лень.

Побыть в одиночестве не получилось. На большом шезлонге-качелях сидел раздетый до пояса юноша безупречной красоты, с наушниками в ушах.

— Привет, — поздоровалась я.

— Привет. — Он посмотрел на меня долгим взглядом и, заметив мое смущение, улыбнулся. — Хочешь в тень?

Я кивнула в ответ и робко присела на край шезлонга.

— Почему ты так напряжена? — спросил незнакомец простодушно. — Тебя смущает мой голый торс? Сейчас оденусь. Подай рубаху.

— Перестань, я что тебе, курсистка? — попыталась отшутиться в ответ, но рубаху все же подала. — Держи!

Моя рука случайно коснулась его бархатистой упругой кожи. Даже и не думала, что умею краснеть, как уголь в топке паровоза, от чего совсем растерялась.

— Не стоит стесняться своего волнения. Физиология сильнее разума, — спокойно произнес парень, застегивая пуговицы. — Кстати, меня зовут Джудит, и я гей, — добавил он, откидываясь на спинку шезлонга.

Озноб, пробежавший по телу, вызвал презрительный смешок.

— Ты ждал другой реакции?! — спросила, задетая его изучающим взглядом.

— Такая в самый раз, — засмеялся Джу снова. — Лучше искренняя дрожь, чем елейная ложь.

Красиво сказал подлец!

Пришлось улыбнуться в ответ, хотя уже и не очень хотелось.

— Что там? — Кивнула я в сторону iPod, желая сменить тему.

— Ориетта Берти.

Я на миг задумалась, пытаюсь отыскать в памяти незнакомое имя. Безуспешно!

— Не напрягайся, ее мало кто сейчас знает. Это итальянская певица шестидесятых. Хочешь послушать? — Он протянул мне один наушник.

Голос с невероятной тембральной окраской, яркий и знойный, как сама бурлящая жизнью Италия, ворвался в мой разморенный жарой мозг.

— Невероятная, правда?! — Воодушевился мой новый знакомый. — Романтичная, темпераментная, веселая и драматическая одновременно. Настоящая богиня музыки!

Он стал тихо шептать слова из песни:

*Я, ты и розы,
Я, ты и море,
Только когда ты дышишь рядом со мной,
Я понимаю, что живу.*

А потом вдруг, не отводя от меня глаз, Джудит запел на итальянском, да так чувственно, что я обмерла, замороженная его голосом. А он все смотрел на меня и пел, прищелкивая пальцами в такт, плавно покачиваясь из стороны в сторону, подобно кобре перед броском.

Думаю, чудовищная опасность змей не в молниеносности нападения, не в силе яда, а именно в таком же гипнотическом танце. Опьяняющий миг бессознательного повиновения сужает мир жертвы до жгучего желания смерти в объятиях своего палача. В тот предвечерний час я потеряла себя. Мне бы заговорить, попытаться словами защититься от стихийного бедствия с дурацким именем, но шепот, придыхание, шум пульсирующей крови, подрагивание влажных ресниц... Разве от этого скроешься?

Моя натура никогда не отличалась стыдливостью. Я не страдала из-за отсутствия мужского внимания и уж точно всегда оставалась холодна к тем, кому была безразлична. Но красота черноволосого демона не оставила в моем сердце камня на камне. Стоило лишь вспомнить банальные вещи: он протягивает мне наушник, откидывается на спинку шезлонга, щелкает пальцами в такт музыке — и кожа вспыхивала. Его загорелое тело было настолько упругим и мускулистым, что мне до боли хотелось провести по нему кончиками пальцев. А еще лучше — языком. Медленно-медленно — так, чтобы почувствовать каждую выпуклость или изгиб. Чем яростнее я старалась забыть паршивца, тем сильнее влюблялась в него. Попробуй объяснить одурманенному сердцу, что любовь бывает невозможной! Оно готово обманываться бесчисленное количество раз, мчаться на дикой скорости без тормозов — прочь от сомнения и здравого смысла.

На следующее утро после знакомства я, набравшись смелости, зафрендил Джу на Фейсбуке. Кто сказал, что гомосексуализм — это диагноз? Мало ли на свете семейных пар, где ориентация мужчин вызывает большое сомнение! Тем не менее, живут они долго и счастливо, рожая детей, а после внуков. Несмотря на раннее утро, Джудит сразу принял мой запрос. Что же ему написать особенного?

Мысли, мысли... Сколько времени мы тратим впустую. Мне кажется, природа наградила людей умом в наказание. Влюбленные, мой вам совет: не думайте долго над первой репликой, с которой хотелось бы начать отношения. Чем дольше вы вымучиваете ее, тем неестественнее она выходит.

«Привет... Тебе нравится вводить в оторопь?»

Напряженное ожидание у пестрящего символами экрана. Хорошо, что за задиристыми словами можно скрыть робость, всегда появляющуюся не к месту. Бытует теория, что излишняя стеснительность возникает от недостатка сексуального опыта. Полная чепуха! Лично я хоть и не относилась себя к разряду бесстыжих блудниц, ведущих зачетную тетрадь по мужской анатомии, но назваться скромницей язык бы тоже не повернулся. Откуда же тогда нелепый тремор пальцев? Пожалуй, свяжу его с нехваткой серотонина в мозгу или с генетикой. Хотя философское объяснение: «стеснение как следствие возведения какой-либо ценности в разряд бесконечности» с Джу выглядело бы более уместным. Несхожесть этого парня со всеми теми шумно дышащими счастливчиками, получавшими доступ к моему телу, стала невидимой зацепкой на долгие годы. Я не знала, как подступить к нему, и оттого отчаянно робела.

Ответ Джудит привел в замешательство.

— Хай. Предпочитаю рассказывать о себе сам, дабы не упустить возможность посмеяться. Но ты — это нечто! Совершенно недопустимое количество эмоций на лице за полминуты! Покер — не твоя игра... Нахохотался...

— Наверное, стоит после этих слов удалить тебя из друзей.

— Брось. Мы оба знаем, что ты не сделаешь этого. Я тебе слишком интересен.

Жар в груди, кровь ударила в голову.

— Не наглей! Самоуверенность — это моветон. — Мне пришлось перейти в атаку.

— Это не самоуверенность, а жизненный опыт. Мои страницы в соцсетях девицы штурмуют постоянно.

Самодовольство хлестнуло сильнее пощечины.

— Рада твоей популярности. Однако не люблю стоять в очереди. Чао!

— Эй! Не обижайся — я просто дразнюсь. Готов искупить свою вину в ближайшее удобное для тебя время. Может, пообедаем? Стою перед тобой, коленапоклоненный :)».

— Стоять на коленях — удел рабов, — поддела его я, сама изнывая от жажды скорее утонуть в темно-карей бездне.

— Умница!

— Не нуждаюсь в одобрении!

— В смятении?

— Ничуть не бывало!

— Хорошо. Заеду в три. Кстати, езжу очень быстро.

— Обожаю скорость, Джудит.

— Для своих я просто Джу.

Господи, какие же, в сущности, люди идиоты! Сами себе расставляют сети, а когда попадают в них, винят во всем чудовищное провидение. Где были мои мозги в тот момент? В пылающем междуножье, в одурманенном эндорфинами сознании, в щемящем и волнующем предвкушении новой встречи с примесью сладкой тревоги, томления, смуты? Впрочем, это неважно... Сколько бы лет ни прошло, мне никогда не забыть нашего первого свидания.

ГЛАВА 2

В десять минут третьего я вынесла себя из подъезда, глянцевою и безупречную, как пирожное из дорогого кафе. Он уже ждал, непринужденно облокотившись на белый мотобайк. Рваные джинсы *Dsquared*, белая футболка в обтяжку, золотистые очки-авиаторы. Хоть рекламный ролик снимай! Решил меня добить? Ладно, еще посмотрим, кто кого!

— Извини, забыл предупредить, что не на лимузине. Если хочешь переодеться, подожду. — Джудит ехидно скосился на мои шпильки.

Я, не задумываясь, подтянула юбку повыше и уселась на заднее сидение — азарт всегда брал верх над девичьими условностями.

— Чего ждем?! Поехали!

— Ты просто чокнутая мартышка! Нас арестуют за безнравственное поведение, — весело захохотал он. — Ладно. Надень шлем и держись крепче...

Да, я такая! Чокнутая, шальная, сумасшедшая. Страстная, жгучая, нежная. Я целая вселенная с мириадами вечных звезд. Ты скоро поймешь, какой нашел клад, поймешь — и не захочешь отпустить.

Будешь целовать мой живот, стоя на коленях, просить, чтобы стала твоим теплым покрывалом в холода, освежающей тенью в зной, одурманивающим зельем, журавлем в небе и синицей в руке одновременно. Только помоги мне догнать сорвавшееся с катушек сердце...

Мы помчались по раскалившимся от жары венским проспектам. Город млел от солнца, вальяжно погружаясь в полуденный свет. Сверкая белокаменными боками, мимо нас проносились Бургтеатр с возвышающейся статуей Аполлона, Венский университет, Дворец Кинских...

— Куда мы едем? — закричала я, но ветер развеял мой вопрос.

Впрочем, какая разница! Сладко зажмурившись, я прижалась к Джу всем телом, при этом стараясь не дрожать от дразнящего, до полубоморока, запаха мужской туалетной воды. Но всякий раз, когда при торможении его упругие ягодицы врезались в мякоть моего лобка, безумие набухало в паху, готовясь разорваться в любую секунду.

«Джудит! Каждой пылающей клеткой я незримо ощущаю, как кончиком языка ты заскользишь по ложбинке моей шеи. А я, прижавшись щекой к твоему загорелому плечу, опускаю ладони все ниже и ниже, нащупаю рукой то, что прячется в джинсовом плену. Уверена, такой миг непременно настанет, пусть даже придется пустить в ход все женские чары, применить запретные приемы. Я на это готова! И все же, куда мы едем?»

Миновав мясной рынок на Фляшмаркт, Джу свернул в сторону Донау-канала. Мотоцикл вырулил на Шведенплац, невдалеке заблестела обсерватория дворца Урания. Еще пару минут — и плавучее царство

кулинарного искусства — «Бадешиф», мой любимый ресторан на воде с великолепной кухней — оказался по левую руку от нас.

— Надо же, какой сюрприз! Обожаю это место.

— Правда? В следующий раз отвезу тебя в клуб «Марина Вена». Была там?

В следующий раз?! Еле перевела дыхание!

— Да, — постаралась ответить равнодушно.

— Чем ты занимаешься?

Уже сидя в заведении, я набросилась на Джудит с расспросами. Мне не терпелось узнать о нем все.

— Я диджей. Днем на радио, вечером в клубах. Заканчиваю Венскую консерваторию. А ты?

— Пока еще не определилась после универа. Скорее всего, пойду в корпоративные финансы, но журналистика мне нравится больше. Если честно, я понемногу пишу. В идеале стала бы романистом, но родители не одобряют, однозначно. Кстати, ты живешь один или с предками?

— С другом.

Неожиданные слова снова смутили меня.

— Я сказал с другом, — засмеялся парень, заметив мои ошалелые глаза, — слово «дружба» для всех нормальных людей звучит одинаково.

«Слово норма для всех имеет разное значение», — подумала я, но все же облегченно вздохнула. Знать о его любовниках уж точно ничего не хотелось.

— Кстати, ты должна его знать. Роберт, двоюродный брат Сиси, — Джудит вопросительно посмотрел на меня.

— Нет. Пока встречаться не приходилось.

— Странно... Обязательно вас познакомлю, как только он вернется из Германии. Роб — удивительный тип. В него влюбляются все девчонки.

— Спасибо, — поблагодарила я, тут же вернувшись к своей теме. — А как твоя родня реагирует на... они вообще знают о твоей ориентации?

— Ну ты неугомонная! Составь список вопросов, я на него отпишусь. А теперь давай ешь. Все остынет.

— Прости... Обычно я более тактична. — Зарделась в ответ, чувствуя, как сильно напирала.

— Все нормально. Просто за один час всю жизнь не расскажешь. Кстати, родители мои умерли очень давно... Соболезнований не нужно, я уже это пережил.

После обеда мы прогулялись. Когда будущее слепит из нас одно целое, ежедневный недолгий проме-над станет правилом. Но в тот день мне еще не дано было зайти за кулисы. Я просто старалась поменьше болтать, боролась со страхом выглядеть глупо. Сколь многое зависит от первой встречи! Многое и... ничего.

Помню звонок Элизабет и ее удивленный голос: «Вы с Джудит?! А ты знаешь, что он... Хорошо, что сказал. Тогда все о'кей. Ему привет. Приезжайте скорее, будем пить вино, а потом в клуб, я уже забронировала столик».

Так началась история улитки, оставляющей свой длинный одинокий след на асфальте. Пусть шумят мегаполисы, царствует хаос, а она знай себе ползет по одному лишь ей ведомому пути. Мой маленький пилигрим из ракушки, милая сестра, заклинаю тебя богами моллюсков: не утрать с годами очаровательную способность двигаться вперед всем невздам вопреки.

ГЛАВА 3

Клубы, кинотеатры, развлекательные центры, магазины, randevu. Разве у меня было время подумать о карьере?

— Ничего, работа — не волк, в лес не убежит! — отшучивалась я каждый день, откладывая собеседования одно за другим.

Но звонки отца не давали покоя.

— Свята! Дядя Макс ждет твоего появления уже две недели. Погуляла и хватит. Пора браться за ум.

Мобилка, выскользнув из рук, упала микрофоном на ковер, сделав родительский баритон совершенно неузнаваемым. Только что покрашенные ногти призывали: «Не смей касаться ворсинок!» Блин! Опять перекрывать!

— Па, обещаю — завтра точно поеду к нему. Сбрось еще раз его телефон эсэмэской.

— Ты что, издеваешься? — возмутился отец. — Я тебе его уже два раза пересылал!

— Ок. Сейчас, поищу, — вздохнула нехотя.

— Дочь! Ты рискуешь нарваться на мой гнев.

Голос стал металлический.

В тот период родители еще верили в мое блестящее будущее и неумоимо инвестировали в него. А посему, сразу по приезду в Вену, на паркинге возле моего дома засеребрился новенький спортивный Мерседес Бенц с белым кожаным салоном. На нем я с гордостью подкатывала к любому шикарному заведению, чувствуя, как завистливые взгляды буравят мою спину. Глянцевая жизнь, будто сошедшая со страниц модных журналов — тающая в брызгах фонтанов, беснующаяся от своей блудливой пресыщенности, — была так хороша! Еще не хватало потерять все

это из-за своего глупого упрямства! В конце концов, Максим Константинов — старый друг семьи. Заеду к нему, пообедаем вместе, поплачусь ему в жилетку, авось пронесет еще на месяц.

— Уже набираю, папочка.

Дядя Макс действительно все понял — он сам всю жизнь исповедовал принцип «гуляй, пока молодой». Большого ловеласа в родительском окружении сыскать было сложно. В свои сорок семь, оставив позади два брака, он выглядел умопомрачительно. И я бы снова, как в детстве, влюбилась в этого сексуального денди, если бы только сердце не пылало иным огнем.

— Какой я тебе дядя! — усмехнулся он, разливая виски в бокалы со льдом. — Ну, чего тебе от меня надо? — спросил, погодя, отпивая со вкусом.

— Хотя бы месяц отсрочки. — Я игриво повела плечами.

— Не строй мне глазки. Твой отец мне яйца оторвет.

— А мы ничего не скажем. Я ведь могу пока стажироваться у вас в корпорации.

— Уже все продумала?

Хитрец недовольно вздохнул, делая вид, что потцовски озабочен. Но скользкий по мне взгляд искрился уж точно не родительским интересом.

— Хорошо. Месяц беру на себя. Дальше сама выкручивайся. И жду в субботу на ужин.

— Спасибо, дорогой дядечка Макс! — Я радостно бросилась ему на шею.

— За дядечку ответишь. Все, беги, гулена. — Подмигнул он, мягко шлепнув ладонью по попе.

— Однозначно! — Залилась я смехом.

Отъезжая от пятиэтажного особняка в центре Вены, я с приятным зудом в душе подумала:

— Смотрел-то он на меня с удивлением! Да, вот какая я выросла, Максим Владиславович, кот-потаскун! Помню-помню, как девять лет назад обливала подушки солеными слезами, шепча по ночам твое имя.

У того дня был особый задиристо-эротический флер. То ли однозначные взгляды искушенного жизнью мужчины подарили ощущение вседозволенности, то ли частые встречи с Джу позволили надеяться на что-то большее. Как бы там ни было, направляясь вечером с друзьями в клуб, я, разодетая, точно кинозвезда, пребывала в полной решимости прожить на всю катушку предстоящую ночь в царстве гедонизма. Мое по-хорошему взвинченное состояние веселило и подстегивало к флирту. Горящими глазами я смотрела на окружающих, и они отвечали мне тем же...

«Пратердом» — одно из самых грандиозных заведений Вены. На двух этажах с четырьмя танцполами без устали отрывался подогретый стимуляторами народ. Взмывающие руки, подскакивающие груди, игра мускулов, загорелые и влажные от пота тела. Такие красивые, утонченные, модные, мы чувствовали себя членами тайного ордена, доступ в который открыт лишь избранным. Лазеры прорезали темноту, вырывая из пульсирующей толпы то одного, то другого заядлого клаббера. Все эти сладкие мальчики и полуобнаженные красотки,двигающиеся в едином ритме, так забавно и эротично заводили зал, что усидеть на месте было сложно. Танцую внутри волнообразной зажигательной массы, я и сама светилась подобно новогодней елке. От меня исходил такой мощный заряд раскрепощенной уверенности и игривого самолюбования, что восторженные взгляды летели вслед, пробуждая сладкое бешенство. Периодически,

посматривая в сторону входа, я с нетерпением ждала, когда же желанный силуэт зачернеет в дверях.

Рядом со мной пару треков подряд отплясывал харизматичный, но в хлам укуренный красавчик Феликс. Направляя движения моих бедер крепкими руками, он широко улыбался.

— Чтоб тебя, — выругался он, зацепившись за чье-то розовое боа, но тут же прыснул радостным смехом и крепче прижал меня к себе.

Джудит появился спустя час. Беззаботно помахав мне, он прошел к столикам, где сидела «не танцующая» часть нашей команды. Эх Джу, счастливый ты человечество! Беспощадный мир вокруг строит козни, подлавливает в сети, запутывает и соблазняет. Каждый день этой непримиримой борьбы стоит людям килограммов разочарования. А у тебя все просто: кивок, очаровательная улыбка, разворот на сто градусов. И никаких проблем! Еще бы, боги выше людской возни! Это мы, смертные, влюбляемся, сгораем от желания, дрожим в напряженном ожидании встречи. А вы несете свою гордую статью, как кинжалы, поражающие нас.

Выждав несколько минут, я вернулась за стол. Парочка знакомых насели на Джу:

— Кончай ломаться! Давай хапанем!

Тот отмалчивался, улыбаясь.

— Чего они к тебе пристали? — спрашиваю, небрежно положив руку на его плечо..

— Хотят доказать, что человек, говорящий «Я не в теме, потому что просто не хочу» — «по-любому» мурло или уж слишком крут! — Смеется он, глядя в лицо приятелям.

Как же нравился мне этот тихий гортанный смех, до дрожи, до спазма в горле!

— Пошли потанцуем, — предлагаю игриво.

— У меня сегодня слегка иное настроение. Позови кого-то другого, о'кей?

По вежливо-безразличному тону стало ясно: мыслями Джудит далеко.

Если у чувств возможен фальстарт, это был именно такой момент. Находящееся на невероятном подъеме настроение скатилось в бездну разочарования. Закусив губу, я молча присела рядом, все же не оставляя надежды на осуществление своей мечты. И только ко мне вернулось присутствие духа, как лицо друга преобразилось странной мечтательной улыбкой. Перехватив взгляд Джу, я заметила стройного блондина, стоявшего возле барной стойки с коктейлем в руке. Его приветственный жест стал отправной точкой для дальнейших событий.

— Извини, отойду, — сказал Джудит, не пытаясь скрыть азарт.

Мне оставалось лишь молча кивнуть.

Следующие полчаса, методично напиваясь, я с жадным интересом наблюдала за их оживленным разговором. Ко мне подседа Сиси.

— Что ты творишь? — спросила она, проследив за моим помутневшим взглядом.

— Ты о чем? — Прищурилась я.

— Ладно, как знаешь. — Подруга пожала плечами.

Униженная собственным пылающим гневом и ревностью, я бросилась на танцпол. «Ну, сейчас я тебе покажу, сволочь бесчувственная!» И вот уже руки Феликса у меня под майкой, а его губы скользят по шее. Тут же кивком он приглашает меня выйти. Ну что ж, пойдём... Голова кружится, спотыкаюсь,

в груди болит и ноет. В темных углах длинного коридора снуют парочки. Мы падаем на диван в ближайшей нише. Лицо Феликса маячит прямо надо мной, я ощущаю, как его сильные икры подрагивают от возбуждения. Так странно и так противно чувствовать себя настолько заведенной в объятиях парня, в чьи глаза завтра постесняюсь посмотреть. Ну и черт с ним! Мало ли в жизни я творила гадких вещей? С этой мыслью мои губы остервенело впились в его полуоткрытый рот.

— Свята, поехали, я отвезу тебя домой.

Вдруг слышу голос сверху и вздрагиваю от неожиданности.

— Отвали, о ней есть кому позаботиться, — хрипло отзывается Феликс.

Джудит не обращая внимания на угрозу в его голосе, протягивает мне руку:

— Давай ключи.

— Извини, мне действительно лучше поехать домой. — Выпутываюсь из объятий, поправляя одежду.

Мучительно стыдно.

— Я сам могу отвезти тебя, — не унимается тот.

— Спасибо, но все же поеду с ним.

Вдвоем с Джу мы выходим из полумрака в сторону пробивающегося света.

— Эй, гомик, ты не боишься как-нибудь оказаться не в том месте и не с теми людьми? — бросает Феликс вслед.

Мой друг даже не удостоил обидчика ответом.

Сев за руль, Джу резко срывает мой мерс с места. Автомобиль мгновенно разгоняется, чувствуя руку профессионала. От алкоголя голова тяжелая, но на душе легко. Надо же, как все обернулось!

На мобильнике трещит СМС.

— Что, никак не уймется? — подкалывает меня Джу.

Я вспыхиваю.

— Даже и не думала, что у тебя хватает времени следить за мной. У того голубоглазого ковбоя такой очаровательный взгляд.

Джу пожимает плечами:

— У каждого есть личное пространство.

— Что ж ты тогда в мое залез? — огрызаюсь, деланно зевая в ответ.

Положить бы ему сейчас голову на плечо!

— Друзей надо ограждать от ошибок. — Он мягко сжимает мою руку, не отвлекаясь от дороги.

Мы добрались до дома в тот самый момент, когда первые розоватые отсветы солнца выскользнули из-за горизонта. Джу припарковался, завел меня в квартиру.

— Ну что, красавица, спокойных снов! — Наклонившись, он непринужденно поцеловал меня в щеку.

Легкое касание в темноте коридора прорвало последний рубеж.

— Не уходи, — прошептала я ему на ухо, и руки нежно обвили мужскую шею. Джудит замер на мгновение. Мои губы, не выдержав, заскользили по контуру его рта.

— Перестань. — Он мягко отстранился, осторожно разжав мои объятия.

— Почему?! — воскликнула я в изнеможении. — Тебя ведь тянет ко мне! Зачем ты сдерживаешь себя?

— Свята, ты прекрасно знаешь, кто я. — Напряженный взгляд буравил мое лицо. — Этого не изменить.

— Все можно изменить, если захотеть!

— Послушай, ты красивая, чувственная, и все в тебе, как надо. Но пойми: для меня это не имеет значения, моя симпатия далека от сексуального чувства. Извини... — произнес Джудит, и мир остановился.

Я ошалело заглянула в карюю бездну. Ни капли кокетства или желания подразнить. Мой провал был ошеломляющим! Стыд и ярость сжали горло.

— Ты разочарована? Прости.

— Разочарована?! Три недели ты пудрил мне мозги, а теперь участливо спрашиваешь, разочарована ли я?! Нет! Я в бешенстве! — выпалила со злостью, влетая в гостиную.

Чертов придурок! Меня начало лихорадить. Как мучительно, оказывается, терять иллюзию близости.

— Тебе будет легче считать меня подлецом? Пожалуйста. Однако все мои поступки были искренними. Ты стала близким мне человеком. К сожалению, это не изменит того факта, что женщины не вызывают у меня сексуального желания. Твое увлечение мной пройдет, а дружба останется. Поверь мне!

— Мне не нужна твоя дружба, — заорала я вне себя от ярости, — я хочу другого!

— Хочешь, чтобы я переспал с тобой из жалости? — Слегка прищурился Джудит.

В груди словно разорвалась бомба, начиненная гвоздями. В ужасе подумав: «Если бы слова могли превращаться в пули, я сейчас уже истекла бы кровью», в слух произнесла, едва сдерживая слезы:

— Думаешь, меня унизит такая мотивация?!

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — бесцветно протянул Джу.

Он развернул меня и обнял сзади, прижав руки в локтях, чтобы я не могла пошевеливаться. Пальцы, мягко массируя мои плечи, стали уверенно

продвигаться к шее, забираясь под волосы. Без сомнения: даже понимая, на какое унижение иду, я готова была бросить к его ногам свои честь и достоинство. Можете высокомерно насмеяться надо мной. Но тот, кто однажды ощущал сладкую боль в ладонях от впившихся в них собственных ногтей, чьи скулы сводила экстагическая судорога, поймет меня.

И вдруг все тот же шепот змеи. Мне даже показалось, что шуршание ее языка щекочет мочку уха.

— Я никогда не имел сестры, да и матери, в общем-то, тоже. В тебе есть нечто схожее с детской мечтой о них. Мы можем сейчас переступить грань и навсегда потерять друг друга, а можем попытаться стать друг для друга кем-то большим. Выбирать тебе...

— Уходи... — раздавлено прошептала я. — Уходи, пока не передумала.

В ту ночь меня мучительно рвало — то ли от алкогольного отравления, то ли от желания тела выбросить вон чувства, ставшие наваждением.

Уже намного позже, когда улеглась боль и я, несмотря на сильную влюбленность, научилась без дрожи в коленях поднимать на Него глаза, мы стали друзьями — настоящими, верными, близкими. А потом жизнь подарила мне другую любовь, от которой, оказалось, сбежать еще сложнее.

ГЛАВА 4

...Снова отрапортовала кукушка. Неужели прошел целый час? Отголоски прошлого крадут у нас реальность. С трудом вернувшись в настоящее, перешагнув двухлетний рубеж, я принялась терпеливо ждать, когда же Джу отложит книгу в сторону. Сегодня

воскресенье, торопиться некуда, но от нахлынувших воспоминаний стало не по себе. Кажется, только вчера познакомились, но так много всего произошло с тех пор... Божественный лик юноши, который чуть не свел с ума при первой встрече, давно уже перестал болезненно волновать. Ко всему привыкаешь — даже к тому, что доводило до иступления. Наши ссоры по пустякам — тому доказательство.

Мысли снова побежали в обратном направлении. В голове всплыл инцидент прошлой недели, растянувшийся на целых два дня...

Около трех по полудню мы вышли из подземки на станции Карлсплац, чтобы пешком дойти до Штад-парка.

— Зачем ты взяла огромный зонт, сегодня разве обещали дождь? — с насмешкой спросил Джудит.

— Когда его не берешь — дождь обязательно начинается, — проворчала я в ответ, пряча за спину палку, доходящую почти мне до пояса.

— Купи себе маленький и таскай в сумке, — не унимался он.

— Слушай, оставь меня в покое! Посмотри лучше — розы отцвели. Когда только успели?! Ведь лето, казалось, началось только вчера.

— Что ж, видимо, им пора — уже конец сентября, — произнес Джу. — Давай присядем — хочется курить.

До парка было еще далеко, а маленький скверик возле любимой католической церкви Карлскирхе находился всего в двух шагах.

— Идем, я заодно куплю колу.

Друг обвил мою шею рукой, и мы, обнявшись, поплелись к автомату с напитками. Пара несложных манипуляций, и вот уже «сладкая парочка» — Джудит с сигаретой и я с бутылкой газировки — расслабленно

растянулась на скамейке под раскидистой кроной старых кленов, напротив одного из самых необычных храмов мира. Огромное искусственное озеро, словно зеркало, отражало величественный абрис Карлскирхе. В дни, подобные этому, когда лучи солнца слегка золотили купол, но уже не могли достать до воды, невероятная игра света и тени делала общий ансамбль почти космическим. Молочно-белый костел лебедем плыл по воде, исполненный неподражаемой грации и элегантности. Лично для меня Карлскирхе — истинное воплощение Вены! Эклектика архитектуры придает этой церкви уникальный шарм, которым могут похвастаться не многие исторические памятники. Помню, как при первой встрече с моей любимицей я часа три просидела под куполом, рассматривая старинные фрески Себастьяно Риччи и Йоханна-Михаэля Роттмайра.

— Слушай, может, сыграем партию прямо сейчас? Хочешь бутерброд? Я что-то проголодалась.

— Эй. Давай не менять планы. Здесь не получится игры — слишком шумно.

— Ладно... Все же стоило выйти на следующей станции.

— Это была бы не ты, если б трижды не изменила решения!

Я показала ему язык и отвернулась.

— Ну хорошо, давай останемся, — со вздохом согласился Джудит. — Только выберем скамейку поудобнее.

По асфальту проползла мохнатая черно-желтая гусеница.

— Как ты думаешь, Джу, насекомые мастурбируют?

— Не знаю, но надеюсь, что нет.

— Почему так?

— Должны же быть у нас, людей, хоть какие-то преимущества! — засмеялся он. — Хватит того, что все мы ползаем по одним и тем же дорожкам.

— Может, мне уехать? — проговорила я, задумчиво облизнув обветрившиеся губы. — Попытать счастья где-то в другом месте, где все станет на свои места?

— На какие такие места? Все места в мире одинаковые, они отличаются лишь тем, что в одном из них ты есть, а в другом тебя нет.

— Джу, твои слова невыносимо безнадежны.

— Шутишь? Мои слова — океан безграничной надежды. Самое главное в том, что ты *есть* хотя бы в одном месте. А невыносима ты сама. Даже не знаю, как мне удастся так долго тебя терпеть.

— Что?! Кто кого еще терпит! Только и отмазываю его у Стефании, — засмеялась я. — Все, точка! Буду перебираться в маленький городок, там люди относятся друг к другу терпимее.

— Давай-давай! Наконец-то перееду в комнату по светлее! — фыркнул тот в ответ.

— Ах вот оно что! Черта с два! Только ради того, что бы тебе насолить, никуда не свалю!

Ветер пугал волосы и нагонял тучи.

— Да ты и так никогда не решишься. — Джудит, лениво улыбаясь, грациозно вытянул ноги.

— Почему это?

— Капкан.

— Город?

— Состояние.

— Как же тогда быть?

— Остепениться, найти мужа, нарожать детишек. В общем, стать классической бюргершей. А дядя Джу всегда будет рядом, чтобы научить твоих спиногров музыке, например.

Я залилась смехом и, схватив его за уши, закричала:

— Да, конечно, ты прав! Мне никогда не покинуть этот город, ведь больше ни в одной другой стране мира я не найду такое чучело, как ты. Как же я люблю тебя!

— Репетируешь. — Усмехнулся Джу.

— Нет! Читаю с листа. — Прищурилась ехидно.

— Ну тогда получай!

Не успела я опомниться, как он, подражая вампиру, впился в мое горло зубами. Вроде бы невинная шалость, если бы не скользнувшие по моей шее губы. Тщательно выстраиваемая защита была пробита.

Я вспыхнула.

— Эй! Полегче! Еще не хватало мне засосов!

Не успела моргнуть, как Джудит уже сидит, потирая пальцами левую мочку уха. Он видит мою растерянность. Сволочь! Именно этого ждал! Ну что же, «слабо или не слабо»? За мной не заржавеет. Я еще отомщу.

— Еще раз такое позволишь — убью. Понял? — Улыбаюсь спокойно в ответ, но чувствую, как ягодичцы напряженно сокращаются. Раз, два! Раз, два!

Друг кивнул с улыбкой победителя.

Из моей сумки появились шахматы.

— Ну что, начнем!

— Давай.

Мы расставили фигуры. Я спрятала за спиной две пешки. Джудит вытянул черную.

— Как всегда.

— Не расстраивайся! Какая разница, кто из нас белый, а кто черный — мы все равно на одной доске, — передразнила я его.

— Умница.

— Не нуждаюсь в одобрении.

— В смятении?

— Ничуть не бывало.

— Запомнишь?

— Не забуду.

Партия началась. Большая шумная компания парней прошла по дороге. Некоторые приветливо кивнули нам, я ответила тем же.

— Кто это? — спросил Джу, когда ребята отошли.

— Понятия не имею. Эй! Так не честно! — возмутилась, взглянув на доску.

— В чем дело?!

— Пока я отвернулась, ты спер моего коня?!

— Шутишь?! Ты же продула мне его еще на третьем ходу! — запротестовал Джудит.

— Что?! Какой на хрен третий ход! Он только что стоял здесь! — завопила я, ткнув пальцем в пустую клетку, где всего минуту назад мой конь прикрывал левый фланг.

— Прекрати доставать! Его там не было и в помине!

— Ну тебя к черту! С тобой играть — себя не уважать!

— Ну и не играй! Все, пока, у меня куча дел. — Джу резко встал и зашагал прочь.

— Куда это ты собрался?! — в бешенстве прокричала я ему вслед. — Я что тебе, дура какая-нибудь тащиться отсюда самой!

Друг удалялся по аллее, нервно засунув руки в карманы.

— Ну и катись!

Даже не обернулся. Иногда мне кажется, что детство не закончилось — ни для меня, ни для Джудит.

ГЛАВА 5

На следующее утро, проснувшись с тревогой в сердце, я устало подумала: «Начинается!» И действительно — чутье не подвело. За окном поплыли черные тяжелые облака, грозящие пролиться колючим ливнем.

Когда плачет дождем осенний Париж, хочется сентиментальничать, грустить, но все же улыбаться и вспоминать о хорошем Былом. Осенняя Вена далека от романтики. Она угнетает и давит своей холодной пустотой. В такие ненастные дни я безудержно тосковала по родине. Особенно по тем местам, где среди вьющейся лозы виноградников и петляющих в горах тропинок прошло мое бесшабашное детство. Там, утопая в объятиях бескрайней икристой синевы, зеленел вечно молодой полуостров Крым, а пропитанный солью морской бриз, словно искусный парфюмер, смешивал ароматы степных трав, эвкалипта и пионов.

...Мой любимый запах принадлежал королю крымских дорог — кипарису. Ах, какая потрясающая горечь исходит от его светло-серых шишек, если растереть их между пальцами! Девчонкой, гоняя по залитым солнечными лучами аллеям курортного парка, я на бегу срывала с дерева его мясистые плоды, чтобы, прикусив их, почувствовать на языке знакомую кислотку. Для каждого родные края отзываются своим ароматом, для меня же дом пропитан этим терпким и до слез любимым благоуханием. А еще — воспоминаниями, которые нет-нет да и нахлынут неожиданно-негаданно. И от них на душе то светло, то печально становится. Светло от того, что, даже спустя время,

они все так же волнуют, печально — от того, что в страну под названием Прошлое пути больше нет...

Прислонившись лбом к холодному стеклу, я снова кинула апатичный взгляд на улицу. Машины и мотороллеры одни за другими отъезжали от парадных. Медики, менеджеры, учителя, служащие отелей, повара и коммивояжеры торопились на работу, выполнять свою монотонную ежедневную функцию винтов в огромной машине государства, которое меня — иностранку — никогда не признает своей. Мне бы взять и улететь вместе с перелетными птицами на юг. Ведь теперь, когда кошмар по имени Роберт, наконец отпустил душу, здесь почти ничего не держит. Пожалуй, стоило бы уехать, начать все заново где-то в другом месте, стереть из памяти множество отвратительных воспоминаний, да только есть одно но!.. Имя ему Джудит.

Кем бы он ни был для других, кем никогда не стал бы для меня — это ничего не меняло. Оказавшись единственной несокрушимой преградой на пути моего стремительного падения в бездну, он, сам того не понимая, подарил мне веру в Сверхчеловека, и лик Спасителя приобрел четкие черты. Святость нашей дружбы, согретая пламенем огромной благодарности, казалось очевидной. Что скрывать, я всей душой прикипела к юноше, открывшему мне совершенно иной мир, в котором, по утверждению злых языков, моя жизнь была всего лишь жалким придатком. Жалким придатком? Может быть... Но, удивительно, именно рядом с Джу, перестав бояться привязанностей, я на какое-то время задышала свободно.

Отсутствие физической близости между нами в тот период виделось лишь логическим завершением цепи вечных разочарований в объекте вожеления.

Мне, обескровленной очередным бурным романом, хотелось только одного — закрывшись в уютном футляре бездействия, просто созерцать тлеющий между мужчиной и женщиной уголек преданности и глубокой симпатии. Джудит дал мне все это, он дал мне даже больше. Казалось, ни одна любовная связь не сможет заменить или восполнить такую дружбу.

И все же тоска наступала, особенно вот в такие осенние дни, раздражая по утрам, когда иллюзия созданной идиллии рассеивалась, неумолимо напоминая об одиночестве холодной постелью и жестокой бессонницей по ночам...

Постучала в стену. В ответ — тишина. Джу снова не ночевал дома. Ему безразлично, что мы все еще в соре.

Как заставить себя реагировать без крайней досады на ту часть жизни близкого, которая с тобой не связана? Как научиться делить мир пополам, не перетягивая на себя одеяло, или скорее научиться делить Джудит с миром, отбросив прочь чувство ревнивого собственничества?

Да никак! Потому что тогда в твоём долбанном существовании, где напрочь потеряны какие-либо ориентиры, вовсе ничего не останется.

Застелив на скорую руку кровать, я отправилась на кухню, где Стефания внимательно следила за детьми, увлеченно уплетающими аппетитный завтрак.

— Садись быстрее, еда остывает, — пригласила меня к столу хозяйка.

— Сейчас, только умоюсь.

В ванной комнате, долго всматриваясь в черноту под глазами, в бледность осунувшегося лица, я невольно застонала, да так громко, что, испугавшись, прикрыла рот рукой.

Что со мной происходит? Куда я качусь? Бывшая выпускница Лозаннского университета, в совершенстве владеющая немецким и английским языками, еще недавно с улыбкой смотрящая в будущее, сегодня в очередной раз сядет меж стеклянных перегородок редакции литературного журнала и будет делать вид, будто пытается осчастливить мир открытием нового гения. На всех колоссальных усилиях прошлого поставлен жирный крест. Только собственное самолюбие не позволяло прокричать во все горло: «Привет, неудачница!»

За два с лишним года жизни в Вене сделать карьеру мне так и не удалось. Круговорот любовных страстей, путешествия, праздная суета... Когда тут подумать о перспективах! Я устроилась в редакцию скорее ради шуток, дабы пресечь поток родительских истерик, нежели из жизненной нужды. Мне пришлось пойти на компромисс. Хотите, чтобы у меня была работа? Да пожалуйста! Теперь я трудящийся элемент! Моя профессия не по чину магистру наук?! Ну извините! Сами учили: «Все профессии нужны, все профессии важны!» Ха! Съели?!

Они, конечно, съели и долго, сцепив зубы, по-малкивали, лелея надежду на то, что их в очередной раз слетевшая с катушек дочь все же одумается и, наконец, выйдет замуж за человека своего круга. Хотя брата Сиси они не сильно-то жаловали.

Но даже в этом я не оправдала их надежд!

С Робертом серьезных отношений не вышло по многим причинам. О них еще предстоит рассказать. Зато мое «беспринципное сожительство с гомиком» добило родителей окончательно. Мамины постоянные звонки с просьбой вернуться домой, папины гневные речи — все оставалось без ответа. Легко

показывать норов и заносчиво пренебрегать советами старшего поколения, когда на твой счет каждый месяц перекидывают пару тысяч евро! В итоге они не выдержали и нанесли сокрушительный удар, беспощадно заблокировав кредитку. Помню, в тот день в телефоне затрещала СМС отца с грубыми словами и ультимативными угрозами — «если», «гребаный пидор», «как шалава». Этикет отошел в сторону, уступив место давно сдерживаемому гневу и призрению.

На мою голову словно вылили ковш раскаленного олова. В глазах потемнело от бессилия и злобы. Ах вот вы как! Я ведь не нюхаю кокс и не колюсь под забором, чтобы со мной поступать подобным образом. Ничего, проживу и без ваших бабок. «Грязь словесная идет от грязи душевной!» — революционный протест в ответ и больше ни одного звонка домой долгие месяцы. В молодости, с большим трагизмом мусоля свою боль, мы не слишком-то задумываемся о чужой...

Чтобы остаться на плаву, я продала машину и положила деньги в банк. Каждый месяц мне стали выплачивать неплохие дивиденды плюс жалование в редакции. Оказалось, существовать с меньшими затратами не так уж сложно. Конечно, потребовалось достаточно усилий, чтобы на смену капризной переборчивости, а точнее неразборчивости, пришел здравый смысл и выбор приобрел реалистично-избирательный характер. Но только перестаешь мыслить категориями «неважно, сколько это стоит», как неумная жажда к вещам, кажущимся на первый взгляд потенциально необходимыми, чья ценность, по сути, лишь в шумихе вокруг них, пропадает сама собой. Так что безденежная жизнь, к удивлению, не стала катастрофой, скорее досадным

неудобством и мерилом нового сознания. Другой вопрос — отсутствие средств, безусловно, уменьшило зону комфорта, то, что принято цинично называть свободой, но и к этому можно привыкнуть при желании.

В моем случае нужды в безумном отречении от родительской помощи, кроме упрямого желания настоять на своем, не было. Так какого черта я продолжаю сопротивляться судьбе, предоставившей мне карт-бланш, сижу и вычитываю синопсисы?! Подними трубку! Позвони отцу! Униженно и пристыженно признай, что ты проиграла в извечной борьбе поколений, и тут же без особого труда тебя переместят в число лучших работников любой корпорации.

Я бросила угрюмый взгляд на отражение в зеркале.

Не дождетесь вы моего покаяния...

Туго собрав волосы в хвост, вышла в коридор. Гретта, держа в руках сумку брата, стояла у двери, нетерпеливо постукивая пальцами по телефонному столику. Сколько недетской строгости и ума в этом взгляде! Эдакая маленькая училка — внешностью похожая на мать, а натурой и манерами — в бабушку. Хотя можно ли точно утверждать в период полового созревания подростка, чью внешность и темперамент он перенял?! В считанные дни его облик может измениться до неузнаваемости, а уж о непостоянстве нрава вообще лучше помолчать. Колебания настроения от нервозно-приподнятого до трагично-суицидального наполняют характер то излишней манерностью, то беспринципным нигилизмом. Бушующие гормоны превращают жизнь в культ Фатального Поражения, нередко оставляя на память шрамы от лезвий на запястьях...

...Когда мне стукнуло четырнадцать, я, девчонка из элитной спецшколы, взяла и «ушла на улицу». С замирающим сердцем влилась в огромное море неприкаянных малолеток, проповедующих романтику чердаков и подвалов, фанатично, как подобает возрасту, уверовала в религию дворовой свободы.

Я была безрассудной, порывистой, упрямой и немного по-хорошему чокнутой. Я жаждала любви безграничной, искренней, способной изменить мир, верила в смелость друзей, хрипло вопящих: «Перемен требуют наши сердца», в силу чувств Последних героев. Увы, девочки подыскивают мужей по образу и подобию своих отцов лишь после того, как сильно обожгутся на бродягах. Да и дерзкие смельчаки становятся неудачниками тоже не сразу. А впрочем, есть ли разница, каким будет плавание твоего корабля — славным или бесславным? Все мы начинаем одинаково — выпадаем росой на траве по утрам — и кончаем так же. Лишь почувствуешь это нутром, сразу примиришься с прошлыми ошибками, прощая по дороге «презренных».

При моем первом появлении в школе с железной серьгой-крестом и в кожаном напульснике наша классная дама тихонько попросила меня снять порочащие ученическую форму элементы. После выбритого затылка и черной помады на губах меня час обрабатывали на ковре у завуча-заики. Но когда на уроке психологии я изложила теорию «наркотики как средство влияния на толпу», моих родителей немедленно вызвали к директору. Нотации и стенания Ивана Андреевича продолжались больше часа. С безжалостным равнодушием юности я наблюдала за нарастающим напряжением внутри небольшого кабинета, где между окном и старым учительским

столом метался высокий худой человек с первичными признаками купероза на лице.

— Наше учебное заведение, которое, как вам хорошо известно, скоро отметит столетний юбилей, не выдержит наступления неформалов. Если Свята продолжит нарушать дисциплину, сами понимаете, придется поставить вопрос о ее отчислении. Правила и традиции нужно чтить и уважать, — резюмировал директор напоследок, ядовито покосившись в мою сторону.

Желание унижить меня граничило в нем с жадной отмщеньем за всех павших в педагогических войнах. Его где-то можно было понять.

Отец угрюмо молчал, предоставив матери отдуваться за двоих. Мама, которая всегда старалась избегать конфронтации, глубоко вздохнула и, опустив глаза, произнесла:

— Иван Андреевич... Не то что бы я хотела оправдать поведение Святы, но... Короткая стрижка и нестандартное мышление — это еще не повод для клейма, ведь так? В стране перемены, молодежь это чувствует глубже нас.

— Анастасия Степановна, к счастью, в нашей школе эти так называемые перемены чувствует только ваша дочь. — Тот раздраженно поджал губы. — Все остальные продолжают прилежно учиться.

— Насколько мне известно, у Святы прекрасная успеваемость, а касательно ее внешнего вида мы постараемся найти компромисс.

Спокойный голос матери стал металлическим. Злость или унижение придали не свойственный ему оттенок, сложно сказать. Но самоотверженность, проявленная в защиту взбалмошного птенца, впервые

вызвала в моей душе бурю эмоций, смысл которых сводился к одному: «Сила женщины в ее детях».

— И все же я бы хотел подчеркнуть, что... — директор попытался развить свою мысль, но был грубо прерван.

— Мы вас услышали. Вопрос будет решен. — Отец резко встал и, не прощаясь, вышел из кабинета. Его белая «Волга» с визгом завернула за поворот, когда мы с мамой спустились во двор школы.

— Чего ты добиваешься? Хочешь, чтобы у папы были неприятности на работе? — устало спросила она, проводив взглядом семейный автомобиль. — Вынь эту дурацкую железку из уха, у тебя что, мало приличных серег?

— Спасибо, мам, — сказала я, благодарно сжав ее руку, но крестик не сняла.

Это мои принципы, за них я буду бороться, а отец все равно простит, хоть и ворчать будет минимум неделю.

Но я ошиблась — родительская любовь тоже имеет пределы. Уважение к самому себе, хочешь не хочешь, победит терпимость и желание мирным путем приобрести уважение несносного ребенка. Однажды, когда моя комната наполнилась гулом друзей, отца прорвало. Распахнув дверь, он жестко потребовал:

— Пусть они немедленно покинут мой дом. Немедленно, иначе пожалеешь!

Я побледнела от унижения. Как он смеет разговаривать со мной в подобном тоне?! Ребята молча выходили из комнаты, а я пристыженно замерла посреди руин своего старого мира. В тот вечер отец впервые поднял на меня руку. Обжигающий след пощечины я до сих пор чувствую на своей щеке. Помню, как бросилась на него с кулаками и яростным криком:

«Ненавижу!» Помню маму, отважно ставшую между нами. Очки отца на полу у серванта и немое недоумение в его близоруких глазах. Помню, как с воплем: «Еще раз тронешь меня, убью!» яростно хлопнула дверью...

Холодный ночной ветер колот лицо, нервно стучали зубы, а наивный вопрос «За что?» рвался наружу чуть ли не волчьим воем. Непослушным пальцем нажала чужой звонок. У мальчишки, появившегося на пороге, были серые глаза с большими девичьими ресницами.

— Привет... Можно у тебя переночевать?

— Свят, ты что?! Родаки ж тебя прибьют потом.

— Мне похрен. Такпустишь или нет?

— Хорошо. Только здесь сегодня куча народа — поспать спокойно не выйдет. А ты ж у нас неженка.

— Оставь подколы на завтра, о'кей? — Руки все еще трясутся, под веками жжет, но хрен вам, не разревусь!

— Ладно-ладно. Заваливай. Вижу, тебе нужно бухнуть.

— Спасибо.

Потом брат рассказывал мне, что заплаканная мама потребовала тогда от отца: «Если ты не хочешь потерять ее окончательно, найди и измени все». Но папа не послушал, не бросился в ночь на поиски. Вероятно, в его решении было больше отчаяния, чем гордыни. Тяжелее всего примириться с тем, что твоя маленькая девочка, еще недавно радостно кидающаяся навстречу крепким объятиям, превратилась в бесконтрольную дрянь и уже никогда не станет прежней. Надежда — самая опасная химера человека, крушение надежд — самая страшная боль...

Вот так, из-за глупости и упрямства, началось мое блуждание по квартирам друзей. Они с ироничным уважением относились к моему протесту и с радостью помогали беглянке катиться по наклонной. Школа была заброшена, руку украсили три шрама — браться в годы моей юности считалось привилегией отчаянных смельчаков.

Тогда же я потеряла девственность. Переполненная адреналином, романтикой и подростковым сексуальным зудом, я в слепую бросилась в омут придуманных чувств. Как любой девчонке, мне мечталось о единении двух сердец, но вышло все довольно прозаично.

Вижу, как сейчас, сереющие осенние сумерки, мальчишечьи пальцы, перебирающие струны гитары, горько-приторный запах травы... А потом долгие поцелуи, неловкие ласки, смятое постельное белье сомнительного цвета, трепет в груди при виде любимого лица и вдруг — присутствие инородного предмета внутри. Ни страха, ни счастья, лишь крайнее удивление. Это и все?! Быстро, обыденно, даже без боли?! А ты, как дура, всеми цветами радуги рисовала первое соитие. Ты мечтала с ним стать чем-то большим, а выйдя на балкон перекурить, хладнокровно и опустошенно подумала: «А глаза ведь у него мутноваты. Да и место не подходящее...»

Посмотрев на Гретту, я мысленно вздохнула:

— Да, милая, тебе повезло меньше моего! Воли тебе никто не даст. Хотя, может, это и к лучшему...

Конечно, малышке безумно нравился Джудит. Это было очевидно. Я часто предупреждала друга о неминуемой развязке в случае, если он не прекратит поддерживать девичью мечту. Джу лишь отшучивался

в ответ. Грустно, что любовь часто дарит себя тем, кто не нуждается в ней...

Улыбнувшись Гретте, я погладила ее нежную щеку. Та, печально вздохнув, посмотрела на часы. Переживает, не любит опаздывать в школу. Но вот Рихард появился в коридоре, и девичье лицо оживилось. Выпихнув на лестничную клетку белобрысого кулему, она отчитала его, как полагается, и через минуту лифт унес их к новым знаниям. Дождавшись ухода ребят, мы со Стефанией присели к столу.

— Ты разбудила Джудит? — спросила она, насыпая в мою тарелку хлопья.

— Он сегодня не ночевал, — повторила я заезженную фразу, и меня тут же накрыла знакомая волна раздражения.

— Заканчивать ему нужно с этой работой. Поговори с ним, прошу тебя, — движение руки, чуть более нервное, нежели обычно.

Окинув Стефанию быстрым взглядом, я недобро подумала: «Ну так и говори, если тебе невмоготу, мне какое дело».

Было видно, что в материнской любви Стефании к Джу сквозят далеко не материнские нотки. Каждая женщина, независимо от возраста, чувствует себя молодой рядом с красивым, сексуальным парнем. А поскольку наша хозяйка до сих пор не подозревала о гомосексуальности Джу, ее сердце, не добравшее мужской любви, явно стучало чаще при виде моего друга.

— Ладно. Поговорю, — не моргнув глазом, соврала в ответ.

Пятью минутами позже входная дверь скрипнула, и из коридорного мрака вынырнул силуэт ночного гуляки.

— Доброе утро, девчонки! — Приветливо кивнул он нам. — Что на завтрак? Жутко голоден.

Бодрость голоса, свежесть лица... Таскался всю ночь, и никаких следов!

— По-моему, работа идет ему на пользу, — буркнула я, отхлебывая сок.

— Да, как никогда потрудился, — засмеялся тот, тайком от Стефании демонстрируя мне цепочку с изящным золотым медальоном.

Бесстыжая продажная морда! Так и треснула бы по ней кулаком! Нет, сегодня ограничимся холодом презрения.

— Мой быстрее руки. Все уже остыло.

Стефания, поднявшись из-за стола, радостно зашуетилась. Тарелка мгновенно наполнилась едой, а чашка — горячим кофе.

Демонстративно поджав губы, я положила бутерброд с ветчиной на стакан с соком и направилась в гостиную.

— А хлопья?

— Не буду.

— Ты чего злая? Снова не спалось? — спросил Джудит, выглядывая из ванной комнаты с намыленными руками.

— Кто это решил поинтересоваться моей персоной?! — ядовито бросила через плечо, включая телевизор.

Ведущий новостей с неприятными близко посаженными глазами вещал о выданном Интерполом ордере на арест старшей дочери Саддама Хусейна, Рагад, разыскивающейся за терроризм. Однако, судя по видеоролику, крашенная сорокалетняя блондинка в очках от Chanel последнего сезона и не собиралась прятаться. Она преспокойно разгуливала по самому

престижному кварталу Иорданской столицы. Кадры мельтешили событиями прошлого и настоящего, погружая мир в мельчайшие до тошноты подробности чужой личной жизни.

Вот старые фото Саддама Хусейна со всеми членами семьи, которые открыто улыбаются миллионам жаждающих их крови зрителей. Тут же сделанные мобильным телефоном снимки с казни диктатора, затем улицы Багдада до и после вторжения войск коалиции. А в бегущей строке титры — «кровавые миллиарды так и не найдены».

— Как ты думаешь, сдаст ли им арабская мадам счета — единственную гарантию собственной неприкосновенности? — спросил Джу. — Никогда! Потому что эта тетка с миллиардами — такая же актриса, как и любая порнозвезда, стонущая на камеру. Все рассчитано до мелочей на идиотов, сидящих возле коробки.

Рассевшись в кресле, он принялся с аппетитом борца сумо уничтожать содержимое тарелки. Я хмыкнула, медленно отправляя последний кусок в рот. Надо же, какой неумный!

— Для справки: мы с тобой еще в ссоре. Так что не ищи во мне собеседника.

— Слушай, ну я действительно не брал твоего коня. Правду говорю. — Джу фамильярно потрепал меня по плечу.

Притворяюсь, будто не слышу признаний друга, не чувствую его крепкую ладонь, от прикосновения которой теплеет в груди. На самом деле мне хочется поболтать, и я сдаюсь.

— Ладно. Знаю. Он просто завалился за доску. Лучше скажи, ты хоть минуту спал этой ночью?!

— Не-а! — Хихикает тот, откинувшись на спинку кресла. — Хочешь подвезу на работу?

— Не понимаю, за что природа так благосклонна к тебе! — Сокрушенно качаю головой. — Мир, без сомнения, сошел с ума!

— Террористка, разгуливающая в часах от Картье, порноактриса, возведенная в ранг дочери президента, красотка, делающая вид, что пытается отшить сумасбродного дружка, а на самом деле с собачьей преданностью ожидающая его у двери... Да! Мир однозначно сбрендил! — Джудит, прижав руки к груди, зашелся в фальшивом собачьем скулеже, переходящем в громкий смех.

Глумливо-жестокое слова, ударившие сильнее плети, мое спертое дыхание, непроизвольно, с шумом втянутый раздувшимися ноздрями воздух — зайти так далеко удавалось только ему...

Мне бы влепить хаму пощечину, встать и выйти из комнаты навсегда! Но вместо этого я, как самая последняя базарная торговка, обложила его трехэтажным русским матом, получая удовольствие от каждого грязного слова.

Энергично кивая головой в такт очередного ругательства, будто подначивая меня на еще более изощренные обороты, Джудит хохотал, не переставая. Его ямочки на щеках, белозубая улыбка — все это разжигало мой пыл еще сильнее, а слова лились и лились исцеляющим потоком, пока не иссякли вместе со злостью.

— Ух как сверкала глазищами, сущая ведьма! — хитро подмигнул Джудит.

— Скажи спасибо, что не врезала по роже! — фыркнула я снисходительно, в душе довольная собой, как никогда.

— Вот теперь ты в норме. — Он вытащил из кармана конфету «Моцарт» в золотистой обертке и протянул мне. — Нес малышам, но ты не старше их. Держи, заслужила.

— Смейся-смейся, бессовестный. Посмотрим, кто будет это делать последним! — примирительно пожав плечами, предупредила я, откусывая шоколадное сердце.

В моем голосе больше не было болезненной обидчивости. Что поделать — наши фантомы сильнее нашей гордости.

Спустя полчаса белый Ducati с ревом вылетел из тихого двора и, мастерски лавируя между автомобилями, помчался в сторону моей редакции. Бешеная скорость и рядом сидящий Джу очень скоро привели меня в прекрасное расположение духа, и уныние уступило место веселью. Со сладким удовольствием я потерлась щекой о лайковую кожаную куртку, улыбаясь своим мыслям.

«Мы больше, чем любовники».

ГЛАВА 6

...Услышав крик деревянной птицы в третий раз, я поняла: воспоминаний на сегодня хватит.

— Не кажется ли тебе, будто эскалатор метрополитена имеет метафизический, я бы даже сказала, экзистенциальный смысл?

— Что? — рассеянно переспросил Джудит, очнувшись от своих мыслей.

— Мы проплываем по нему друг мимо друга, появляемся и исчезаем из поля зрения, безликие среди безликих.

— Начинается... — Зевнув, парень нахохлился, как воробей на ветке.

— Нет, ну серьезно. Представь...

— Даже и не собираюсь.

— Встав на первую ступеньку, человек полностью отдается во власть этого металлического питона, принимает пассивность своего бытия. Таким образом, движение машины поглощает наше собственное.

— Хорошо, что у тебя одна голова и один рот, дорога.

Делаю вид, будто смотрю в окно, на самом же деле исподтишка наблюдаю за реакцией приятеля, хмурящего недовольно брови. Этим утром паршивец столь вызывающе хорош, что мне трудно удержаться от соблазна подразнить его.

— И в этом пространственно-временном промежутке люди фактически перестают существовать — они покорно позволяют либо низвергнуть себя во чрево земли, либо изрыгнуть себя оттуда прочь. Что ты об этом думаешь?

— Что подобные идеи проскальзывали у Кортасара в «Преследователе» и даже на обложке «Abbey Road». Так что, боюсь, ты не оригинальна, — съехидничал Джу.

Поднявшись, он подошел к балкону.

Щелчок задвижки, и вихрь уличного шума залетел в комнату, а вместе с ним — огромная муха.

— Покурю, не против?

Я промолчала. Он вытащил из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой Zippo.

— Ладно, не дуйся, я ж не обиды ради, — сказал Джу, затягиваясь, и, выпустив клуб дыма, добавил, глядя прямо на меня: — Помнишь: «Мир намного шире, чем все мысли о нем».

Еле уловимое менторское высокомерие засквозило в его словах, словно ветерок из приоткрытой форточки.

Я криво ухмыльнулась:

— Спасибо, что напомнил.

Наклонившись, Джудит медленно опустил окуроч в банку с водой на полу. Сигарета с тихим шипением опустилась на дно, словно субмарина с пробитым бортом.

— Это раствор для азалий, а не пепельница.

— Извини.

Джу потянулся. Небрежный жест руки, нырнувшей под майку, оголившийся живот из-под сползших на бедра джинсов, слегка задрожавшие ресницы, легкая ироничная улыбка на губах. Гаденыш, опять за свое!

И вдруг:

— Прочитав пару мудреных книг, не всегда становишься умнее. Мне кажется, лучше вообще не говорить на темы, в которых абсолютно не разбираешься.

Кровь отхлынула от моего лица.

— А ты, конечно, разбираешься во всем, особенно в деньгах, побрякушках и мужских задницах!

Кто бы мог предположить, что день, начавшийся так мило, подложит огромную свинью.

— Не помнишь, кто сказал: «Выходя из себя, не хлопай словами»?

Джудит апатично зевнул и, не дожидаясь ответа, вышел из комнаты, оставив настежь открытой дверь. В ярости я приложила ее о косяк с такой силой, что под обоями зашуршала осыпающаяся штукатурка.

— Не на вокзале! — рывкнула ему вслед, а после принялась мерить комнату нервными шагами, мысленно разрывая в клочья невидимого врага.

Обиды порой сильнее чувства меры. Как ни старайся с холодным рассудком относиться к любым каверзам судьбы, как ни убеждай себя, что миром правит великая магия сентиментальной, переливчатой доброты, всплывающее в памяти ироничное лицо нет-нет да и доконает.

«Выходя из себя, не хлопай словами». Ну вот почему за ним всегда последнее слово?! Ничего-ничего, настанет мой час, сволочь бесчувственная! За все отыграюсь!

Но дело ведь было не в игре «кто кого». Причина крылась в боли — такой глубокой, что порой даже уязвленное самолюбие предпочитало помалкивать, находя самые невероятные оправдания глухонемому слабоволию. Да вот только хоть сто раз зажмурься, день не станет ночью. Отношения, кажущиеся идеальными, на самом деле месяц за месяцем подвигали меня к постепенной утрате личности, отказу от женского начала.

Разве такое возможно? Да запросто!

По правилам, установленным Джудит, в нашей паре право на существование имели любые проявления симпатии, пусть даже самые откровенные, лишь бы они не подталкивали к сексу. Однако всякий раз, когда желание поставить меня на место перевешивало порядочность, Джу безжалостно использовал арсенал запрещенных, но совершенно безотказных средств. Стоило ему дольше обычного задержать на мне взгляд, как сердце тут же начинало противно спотыкаться! Мой же ответный флирт бесславно тонул в безучастной улыбке...

Успокаивая себя призрачностью идеальных отношений, я предпочитала не замечать все чаще закипающие между нами ссоры. Что сказать! Только этим

осенним утром я впервые смутно ощутила унижительную зависимость от своих иллюзий... Чувство отверженности горче полыни. Хочешь не хочешь, пелена обиды застилает взор. И вот я уже обнимаю стремительно намокающую подушку.

«За что мне все это?! За что?!»

Дура! Да просто за самонадеянную уверенность, будто у судьбы на тебя есть отдельные планы. И в ожидании призрачного «Позывного» год за годом ты растрачиваешь силы на никчемные поступки. А ведь для высшей истины не существует добра или зла, только великая Рациональность. Отношения с геем никак не увязываются с ней.

— Ах так?! Тогда хрен тебе, а не мои слезы!

Шаг по направлению к бару. У водки с тоником оптимистические нотки, если только много не пить! Всего одна порция коктейля — и снова окружающая действительность весело подмигивает. Схватив со стола «Венские новости», я решила пробежаться по «светской хронике». На втором развороте мне попался заголовок: «Крупнейшие техногенные катастрофы — кто будет следующим?», а дальше...

«Выброс нефти из танкера „Эксон Вальдез“ (США) 23 марта 1989 г. — авария у берегов Аляски. В результате катастрофы около 10,8 миллионов галлонов нефти вылилось в море, образовав нефтяное пятно в 28 000 квадратных километров, загрязнив около 2000 километров береговой линии. Авария считалась наиболее разрушительной катастрофой, которая когда-либо происходила на море».

«Бхопальская катастрофа (Индия) 3 декабря 1984 г. — крупнейшая в мире техногенная авария на химическом заводе пестицидов *Union Caribe* в индийском городе Бхопал, повлекшая за собой смерть

18 000 человек. Непосредственной причиной трагедии стал аварийный выброс паров метилизоцианата, в результате в атмосферу было выброшено около 42 тонн ядовитых паров. Виновные не наказаны».

«Чернобыльская катастрофа (Украина) 26 апреля 1986 г. — крупнейшая в истории человечества авария на АЭС. В результате разрушения четвертого энергоблока в атмосферу были выброшены радиоактивные изотопы, повлекшие за собой заражение поверхности земли. Большая часть стронция и плутония выпала в пределах стокилометровой зоны, тридцатикилометровая зона превратилась в зону отчуждения, из которой проведена полная эвакуация населения. В официальных источниках последствия катастрофы сильно занижены».

Сильно занижены?! Да вам всем даже невдомек насколько!

Список продолжался и продолжался, словно мир, ввязавшись в апокалиптический марафон, не в силах остановиться, вливал в пересохшую от жажды глотку человеческие страдания: отравленные земли, зоны отчуждения, сотни тысяч безвинно погибших, потерявших кров, ставших инвалидами.

Пока статья била сухими фактами, мне еще удалось удержать силу духа в кулаке. Но когда следом за ними хлынули нарезки воспоминаний очевидцев: жуткие, холодящие кровь, вызывающие приступы тошноты и лютой ненависти ко всем тем, в чьих руках беспомощно агонизируют наши марионеточные судьбы, — я сдалась. Технологический прогресс несчастной планеты пошел на меня войной с единственной целью — раздавить, как муравья.

Безумный страх вздул на голове вены. Вдох, выдох, вдох, выдох!

Не сработало! Кровь хлынула носом... Да что за день такой!

В коридоре послышался требовательный голос Гретты:

— Рихард, куда ты его снова загнал?

— Да вон же он, под диваном! Тащи его! Тащи!

Истощенный крик мальчика зазвенел в ушах, словно рой назойливых комаров.

— Сейчас черти ворвутся сюда! — замерла я настороженно.

На газете — дорожка из красных пятен.

— Только детей мне сейчас здесь не хватало!

Зажав нос пальцами, я бросилась к шкафу за платком. Беготня за дверью стихла, значит пронесло. Взгляд снова упал на запачканную газету. Страх отступил, оставив странное ощущение вины.

Минута колебаний, и вот уже рука нащупала в глубине нижнего ящика тумбочки спрятанную на крайний случай пачку «Marlboro Light».

От одной сигареты ничего не случится!

Но, не выкурив и половины, я ощутила неприятную тошноту и головокружение — точь-в-точь, как при первой своей затяжке в далекой юности...

...Сигареты Camel — ядовитая убойная сила. Мы нашли их с подругой в письменном столе моего отца. Для меня находка стала настоящим уличением тайного порока и почему-то представилась форменным предательством со стороны семьи. Папа всегда осуждал курильщиков. Надо же, какой абсурд! Вся наша жизнь — цепь сплошных предательств, пострашнее припрятанной пачки сигарет или стыдливо замаскированной коробки презервативов, а мы помним только самые мелкие из них.

Как часто я переступала через чувства родных ради эгоистичных желаний, не стоящих выеденного яйца. Сколько раз, задыхаясь от ударов под дых, забывала о собственных отречениях! «Цель оправдывает средства», — скажет спокойно кто-то. Мне ли этого не знать?! Но каждое оправданное целью средство — еще один шаг к фальшивому существованию, в котором на пьедестале одиночества будет биться в конвульсиях тщеславная душа...

...В задумчивости взболтав остатки коктейля, я залпом осушила бокал. В сущности, Джудит прав. Всякий мнит себя бескрайней вселенной, но не каждому удастся понять смысл не слишком-то мудреных книг. С отвращением швырнув сигарету в банку, я закрыла лицо руками. Пронзительное желание окаяться в родных объятиях оказалось сильнее гордыни.

ГЛАВА 7

Прислушалась. За стеной непривычная тишина. Обычно после наших ссор Джу врубал музыку на полную громкость.

«Неужели ушел? Да вроде не похоже. Чего гадать — пойди проверь».

Сбрызнув лицо водой из баллончика, я быстро причесалась, подвела веки, подкрасила ресницы. Облегающая черная майка с простыми узкими джинсами — в самый раз для такого момента! Не собираюсь показывать, как важно для меня все происходящее.

Желание оправдать свою малодушную импульсивность придало действиям ребячливый апломб и легкую задиристость.

«Да, я иду мириться, но сначала стоит поставить обидчика на место».

Еще четверть бокальчика для смелости, а после стремительный рывок из одной комнаты в другую. Всего лишь мгновение, и лоно мира, где вечностью правят диджеи, всосало с силой водоворота.

Но что за розыгрыш?!

Воздух, который по логике вещей должен был наполниться запахом пороха, затрепетал от нежного волшебства флейты и виолончели. Из колонок, словно стая невидимых мотыльков, вылетали звуки «Серенады» Шуберта. От томящих, проникающих в самое сердце нот я замерла ошеломленно на пороге. И только спустя несколько мгновений, когда вступили экспрессивные валторны, мое внимание переключилось на Джудит. Хитрец лежал на кровати с заложенными за голову руками и внимательно следил за сменой эмоций на моем лице.

— Знал, что приду!

— Надеялся, что придешь! — Цокнул он языком, прищурившись.

— Забавно. — В душе потеплело от нежности.

Мы улыбнулись друг другу, и в этих улыбках снова утонули все обиды и сомнения. «Серенаду» сменил «Вальс Цветов». Ох! Как же безудержно захотелось закружиться с ним в танце на безлюдной поляне! Или в прозрачном шифоновом платье помчаться по лесу, подобно чеховской Колдунье, чувствуя кожей, не оглядываясь, но чувствуя кожей, что он бежит следом, а потом, дав ему догнать себя и позволить повалиться наземь, покрыть его лицо поцелуями.

Но суровая реальность говорит жестоко: «Не можешь уйти? Тогда прими все, как есть».

— Иди сюда. — Приподнявшись на локтях, Джу ладонью постучал по кровати. — Не хочу ссориться. Если бы ты сейчас не зашла, пришел бы сам. Честное слово!

Уткнувшись носом в родное плечо, чувствуя, как новый комок перекатился в горле, я глубоко вздохнула. Переживу — мне не впервой! Все правильно — не можешь уйти, прими все, как есть. Реквием по мечте — музыка наших с ним отношений.

Друг легонько чмокнул в щеку и тут же, приняухавшись, подозрительно спросил:

— Ты что, пила?

— С какой радости! — соврала в ответ.

— Ты жутко испорченная девица! Знаешь об этом?

— На комплимент не похоже. — Быстро просунув руки под его майку, больно ущипнула за правый сосок. — Для этого же ты задираешь ее, подлец!

— Эй! Это была шутка! — засмеялся он и тут же добавил, неодобрительно качая головой: — Какой же ты бываешь невыносимо упрямой! Просто бесишь иногда!

— Ты меня бесишь намного больше! Поверь!

Знакомый запах тела, крепость мужских рук, близость, желание, дрожь, если и сдерживаемая, то на грани. Содрать бы эту трикотажную броню и сотворить неосуществимое!

— Что?! — спросил он, заподозрив неладное.

— Ничего. — Невинно заморгала.

— Черт! Я ведь знаю этот взгляд. Только попробуй пощекотать, убью! — закричал он в тот самый момент, когда я с визгом набросилась на него.

— Зараза! — застонал Джу, смеясь.

Вереща и улюлюкая, мы кубарем скатились на пол.

— Получай!

Подушка полетела мне в лицо. Я ахнула от неожиданного удара, но тут же прыснула от смеха, увидев свою всклокоченную голову в зеркале.

— Все, ты труп!

В такие минуты мое сердце переполняло множество чувств, но главным из них была благодарность за близость. Мало кому удастся понять, о чем я говорю. Жизнь дарит лишь единицам столь сильное взаимопроникновение. Но те, кому посчастливилось встречать рассвет, лежа на мостовой рука об руку с близким человеком, услышат меня.

Мы посидели молча, крепко обнявшись.

— Слушай, совсем забыл, — вдруг спохватился Джудит, поднимаясь на ноги, — вчера Аркадия встретил в городе. У него явно рецидив. Выглядит удручающе. Правда, все такой же неугомонный оптимист. Чуть не удушил меня от радости. Он говорит, что у Сиси теперь почти все новые люди. Может, пройдемся по свежему воздуху, а?

Я оторопела.

— Вставай. — Джу принялась одеваться. — Пойдем прямо сейчас. Мы ведь у нее почти девять месяцев не были.

— Ты что, с ума сошел?! Даже не думай!

— Слушай... Прошла целая вечность! Думаешь, кто-то будет вспоминать о старых обидах? К тому же Роб там редко появляется. Давай-давай, прогуляемся. — Он настойчиво потянул меня за руку. — В конце концов, мы ничего не теряем. Все само собой решится.

— Ну не знаю...

Мы так чудесно проводили время вдвоем, зачем беречь старые раны? Я с грустью окинула взглядом комнату друга: у окна суперсовременный компьютер,

колонки с сабвуфером, вертушка, вся правая стена — огромные стеллажи с пластинками, книгами, фотоальбомами. Над кроватью панно — два больших черно-белых фото, на них Джудит в роли модели — безупречен! На полу у окна красное кресло-мешок, яркое пятно среди серебристо-бежевых тонов. Мне не хочется уходить, здесь мой мир, но если уж Джу что-то задумал, его не остановишь, лучше сразу сдаться без боя.

— Дай мне пять минут, — нехотя сказала я и ушла в свою комнату переодеться.

По выходным на венских улицах уйма народа. Горожане, приезжие превращаются в одну хаотично двигающуюся массу, растворяющую индивидуальность. В то воскресенье было особенно многолюдно. Чтобы добраться на Наглергассе к дому № 12 нам пришлось перепрыгнуть десяток маленьких собачек, сотню раз наступить кому-то на ногу и тысячу раз извиниться за беспокойство.

И вот уже знакомый подъезд. Пожилая консьержка, уставшая от людской суеты, вяло бросает: «Лифт не работает». О'кей! На третий этаж можно и пешком. Настойчивый звонок, стук каблучков. Знакомый нежный голос говорит с придыханием:

— Какая умопомрачительная галлюцинация! Неужели нашли повод?

Легкий ветерок из приоткрытой двери... Чувство вины, затопившее душу...

Часть III
ДОЛЬЧЕ ВИТА

ГЛАВА 1

Сиси, она же Элизабет или просто Бет, как я уже упоминала, моя некогда самая близкая подруга, была потомственной австрийской аристократкой, любимым отпрыском богатой семьи Хильденбранд. Ее родителям, владельцам и основателям одной из крупнейших фармацевтических компаний, принадлежало огромное поместье с роскошным средневековым замком недалеко от Зальцбурга.

Те, кому хотя бы однажды посчастливилось побывать там, от зависти надолго лишались сна. Декоративные пруды и причудливые ротонды, тенистые корты и конюшни, столовые, рассчитанные на сотню гостей, кровати под балдахинами, а также целая армия горничных — весь этот грандиозный размах казался нереальным и сказочным даже самым обеспеченным. Надо отметить, Элизабет, выросшая среди дворцовой роскоши и безграничной вседозволенности, решительно не испытывала неловкости по поводу своего статуса. Она одинаково свободно общалась как с друзьями, которых выбирала исключительно по зову сердца, так и с титулованной родней, чьи активы в ближайшие двадцать лет преумножать не собиралась. Обладая всеми привилегиями, высоким положением в обществе, славная сумасбродка безбожно

транжирила выделенные ей средства на всякие прихоти, а особенно — на игру в либерализм. Кого только не заносило в ее венскую квартиру: художники, актеры, спортсмены, философы, писатели, диджей. Двери всегда были распахнуты — добро пожаловать, кто бы ты ни был!

Безусловно, когда того требовали обстоятельства, Бет с легкостью превращалась в светскую львицу, чопорную аристократку с безупречными манерами, восхитительную и недостижимую Снежную королеву с глазами зимнего неба. Но перевоплощение происходило там, на подиумах и светских раутах, а в кругу приятелей Элизабет была милой и хорошей подругой, прекрасной собеседницей и хохотушкой. Наша Сиси грешила, выпивала, гуляла ночи напролет... Подчас она становилась празднично-фривольной или невыносимо циничной, одновременно искушенной и невинной. Парадоксально! В головокружительном калейдоскопе своего характера она всегда пребывала в гармонии с собой и окружающим миром.

О Сиси мечтали, ею бредили, страстно жаждали, ненавидели и проклинали. А она, с детства привыкшая к всеобщему вниманию, даже и не пыталась ничего предпринимать для прекращения любовной лихорадки вокруг своей персоны.

Начальное образование Элизабет получила в Англии, в закрытой элитной школе для девочек. После, вернувшись в Австрию, поступила в колледж. Ну а по его окончанию был Лозаннский университет, факультет международного права, где мы с ней и познакомились. Грустно, конечно, что, успешно «добив» учебу, ни одна из нас не воспользовалась специальностью. Меня всегда привлекала литература, Бет, судя по всему, работать вообще не собиралась.

Однажды во время тестирования ей попался вопрос: «Что, на ваш взгляд, вы никогда не измените в своей жизни». Ни секунды не раздумывая, она написала: «Я всегда буду пить, курить и, надеюсь, никогда не потеряю вкус к сексу».

Конечно же, ее вызвали на педагогический совет и жестко отчитали. Надувшись и поджав губки, паршивка ехидно парировала:

— В тесте просили отвечать правдиво.

Любой другой студент после подобной выходки полетел бы в тартарары. Но кто посмеет тронуть дочь фармацевтического магната и спонсора Университета?

Нет! Бет не была бунтарем. Играя без правил, моя подруга прекрасно понимала: для нее и ей подобных правила просто переписываются, а любые границы раздвигаются. Впрочем, из-за этих ее хитрых уловок я не переставала любить ее меньше. Яркая, умная, неординарная, она влекла меня за собой. С ней вместе мы умудрялись кружиться в водовороте мужского внимания, за ней без оглядки я поехала в Вену...

Грациозная, длинноногая, неизменно на высоких шпильках и в платье с откровенно-шокирующим декольте. Знакомьтесь, это Сиси! Виват, королева!

За спиной Джудит не видны ни мое смущенное лицо, ни впившиеся в ладонь ногти, но, кажется, ироничный взгляд Бет уже буравит мое нутро, и я готова бежать куда подальше, перепрыгивая через две ступеньки.

— Теперь для визита к тебе нужен повод? — спасает ситуацию Джу. — Как ты, старушка?

Приветливые объятия, поцелуй в губы. Для кого-то примирение — всего лишь констатация новой

встречи, без суеты, без опущенных глаз. А у меня потеют подмышки, и я ничего не могу с этим поделать!

— Старушка-потаскушка! Ха! Как всегда. — Пожимает плечами Бет и мягко, но уверенно вытягивает меня из-за спины друга. — Поцелуемся, что ли?

— Привет, — лишь успеваю выдавить из себя, как тут же ощущаю ее теплое дыхание и аромат дорогих духов.

— Ого! — вырывается непроизвольно.

Элизабет смотрит с откровенным интересом. Подобным Сиси не понять, почему у других пересыхает во рту от волнения.

— «Как всегда» — весьма неопределенное понятие. В нем присутствует элемент скуки. Здесь стало тихо. Неужели пора бурных оргий прошла? — произносит Джудит, озираясь.

— Ты все еще с ним?

Насмешливый кивок в сторону всеобщего любимчика. Тихое прищелкивание языком, еле заметная издевка в голосе. Стеснение начинает меня тяготить.

— Надо было нам с тобой остаться вместе. По крайней мере, наша связь была менее абсурдной. Помнишь, как мы веселились? — Она засмеялась звонко, по-детски, как в годы наших студенческих авантюр.

Бесшабашная, мечтательная пора! Казалось, впереди нас ждут одни приключения, а родительские средства — всего лишь маленькое одолжение, предоставленное нам судьбой, ведь сами мы стоим дорого и любые горы свернуть нам по плечу. Все это привносило в жизнь невероятный подъем, а самоуверенность молодости подстегивала к дерзким выходкам. Позднее, вспоминая те дни, я часто со сладкой грустью перебирала в памяти каждую полочку наших

забитых доверху платяных шкафов, снова и снова раздвигала легкий тюль на окне комнаты, в которой девушка с обликом австрийской императрицы дарила мне огромный мир новых неведанных чувств.

С тех пор Бет совершенно не изменилась: все такая же красивая, чуточку надменная, пылкая, как в далекие зимние бесстыжие ночи. Верится с трудом, а ведь когда-то она была со мной! У меня дико защемило сердце при воспоминании о наших маленьких интимных тайнах. Мы так много отдали друг другу и так много взяли — без самопожертвования, без ущерба для обоих, просто в благодарность, — что, казалось, память о наших отношениях навсегда останется во мне, всем монотонным будням вопреки.

И вот сейчас, стоя перед девушкой, которую еще год назад считала больше чем сестрой, я не могла взять в толк, откуда во мне появились силы с такой легкостью отказаться от столь дорогого некогда человека. Что поделаться, замыкаясь в своих слепых обидах, мы зачастую топчем чужую душу, особенно если она принадлежит невольному свидетелю твоей трагедии. Так произошло с Элизабет. Ошибочно приняв невмешательство за предательство, я вычеркнула подругу из жизни на долгие месяцы. Но самое страшное — это далось мне слишком легко... Так зачем я сегодня пришла сюда и кто мы теперь друг для друга? Стоит ли ворошить пепел, ведь он лишь поднимется в воздух, а затем осядет бессмысленной пылью?

А взгляд с поволокой продолжает буравить насквозь, и от него так стыдно, неловко, волнительно! Неосторожное движение — и фарфоровая ваза на полу. Мелкие кусочки, острые осколки, что режут до

крови — их не склеить. Не склеить вазу, не склеить дружбу. Так зачем я все же пришла?

— Успокойся. Это всего лишь стекло. Ему свойственно разбиваться. Клаус, дорогой, иди сюда!

Ох, как красиво она умеет их звать!

— Да, моя госпожа, — юный веселый голосок зазвенел колокольчиком.

— Тебя не затруднит собрать мусор? — улыбнулась ему Сиси и добавила, заговорщически подмигнув мне: — Пошли дальше, там еще есть что бить.

«Укоряй, шути — ты имеешь право! Мои нервы дребезжат задетыми струнами. И это лучшее оправдание моей вины. Но раз я уже здесь, дай мне шанс все исправить...»

«Конечно же дам, моя любимая! Мы старые добрые приятельницы, нам есть о чем поболтать на досуге, и совершенно не обязательно всем новоприбывшим знать, какая червоточина у каждой из нас в душе...»

— Здесь теперь много новых лиц, — бросила Сиси, плавно виляя бедрами, направляясь в зал. Упругие ягодицы подрагивали в такт ее шагов.

— Заметно по зловещей тишине, — отозвался Джудит, поглядывая на мальчика с совком.

— У тебя глаз-алмаз, Жужу, — проследив за взглядом гостя, хихикнула Сиси.

Упоминание старой клички друга вызвало новую шемящую боль. Когда-то Роберт в шутку прозвал нас «Жук и Фиалка». С тех пор в самом близком кругу нас именно так и называли. Но Элизабет часто ехидничала:

— Без обид, дорогой! Но какой ты Жук? Скорее Жужу!

Джудит кивал озорно в ответ.

И в этот раз он комично присвистнул, а потом, взяв нас обеих под локотки, увлек по длинному коридору.

— А как Ян? — наконец решаюсь подать голос.

— В отличие от некоторых, Ян всегда со мной.

Мысль о присутствии Януша придала большей уверенности, словно под ноги, что чуть не увязли в болотной топи, подложили крепкие бревна. Нет! Я не превратилась в дикарку за последние полгода общения исключительно с гомосексуальной братией Джудит, просто нервозность, вызванная чувством вины и ревностью к прошлому этого дома, не давали расслабиться.

В огромном зале, где даже на ощупь я смогла бы отыскать любой предмет, почти ничего не изменилось. Лишь рояль подвинули ближе к окну. Все остальное осталось на своих местах.

— Внимание! Хочу представить моих старых друзей, — объявила Сиси. — Уникальную в своем роде парочку. Они неразлучны, как сиамские близнецы. Хотя, пожалуй, во всем мире не сыскать более разных людей.

После великолепной рекомендации мы оказались в поле зрения семи пар любопытных глаз. Большинству из присутствующих на вид было от тридцати. Не ожидая такой картины, мы оба слегка растерялись. Спасением стал Ян. Завидев нас, он вскочил с кресла и кинулся навстречу.

— Бог ты мой, р-ребята! Как я рад! Надо же, недавно вспоминали о вас! Скажи, Сиси, сов-всем недавно!

Все та же прическа «ежик», все тоже легкое заикание при волнении... Высокий, худощавый, с очками в роговой оправе, вечно съезжающими на переносицу,

Ян походил на университетского преподавателя. Мы так и называли его за спиной — профессор. Он был самым старшим среди нас, самым умным, самым добрым и самым преданно влюбленным в Сиси. Не удивительно, что именно ему она и отвечала взаимностью, на зависть остальным. Конечно, все понимали, что рано или поздно пробьет час, когда родители потребуют от Элизабет сделать выбор в кругу себе подобных. Но пока это не произошло, парочка крепко держалась друг друга, удивляя своим постоянством.

— Правда. Кажется в прошлый четверг, когда мы с ним пересматривали старые фотографии, — кивнула Бет.

— Рыться в прошлом опасно для здоровья. — Похоже, Джудит уже начал свыкаться с обстановкой.

— Надеюсь, п-пьем, как раньше. Белое сухое? — спросил Ян с гостеприимной улыбкой. — Совиньон блан элит подойдет?

— Да вы по-прежнему жируете, черти! — иронично воскликнул мой друг.

Добродушно захохотав, Ян сжал его в крепких объятиях.

— Сейчас принесу бокалы.

— Я с тобой, помогу на кухне, — предложил Джудит. — Сиси, кто был этот славный мальчуган с совком?

— Скромный, стеснительный юноша, но умный, очень умный, — заговорщически прошептала Элизабет.

— Оставь Клауса в покое, ненасытный ты коршун. — Потянул Ян Джу за руку, и они скрылись на кухне.

Януш Мокавецкий был поляком по происхождению и австрийцем по рождению. Он появился на свет через восемь месяцев после того, как в семьдесят

пятом его отец — известный польский хирург — переехал вместе с женой из Кракова в Вену по приглашению Академии наук.

Говорили, более странной пары, чем его родители, среди польской диаспоры встречать не приходилось. Он — убежденный социалист, она — ярая католичка. Все вечера в их семье сводились к спорам на социальные и религиозные темы, как следствие — к ссорам и слезам. В этой идеологической борьбе каждый из родителей пытался затащить сына в свой лагерь, не замечая страданий ребенка. Парень вырос и ушел из дома, а после скандального развода предков, их новых браков так и не переехал ни в одну из семей. От маминого второго замужества у Яна появился сводный брат, от папиного брака — сестра. Эти милые ребятки со счастливым детством стали единственной отдушиной добровольного скитальца, любовью, которая прежде не находила отклика.

За год до нашего знакомства с Яном Маковецкий-старший погиб в автомобильной катастрофе, а спустя всего лишь семь месяцев от рака груди угасла его некогда вторая половина. Не сумев жить вместе, они так и не научились жить врозь. Любовь никогда не спрашивает, из какого ты стана...

В один из последних дней мать позвала Януша к себе. Она долго рассказывала ему о своей молодости, о студенческих годах, о первой встрече с юношей, чьи руки обнимали так крепко, что, казалось, в мире не существует бед. Рассказывала о замужестве и о счастье в глазах супруга при вести о появлении первенца. Женщина говорила и говорила, боясь остановиться, словно с окончанием рассказа могла оборваться нить прошлого, исчезнуть образы родных, которых сильно любила.

— Я шла за Богом, но, похоже, Бога не было во мне, — вдруг разрыдавшись, воскликнула она.

— Перестань, мам.

— Хорошо... Я так рада видеть тебя, — подавив рыдания, совсем тихо произнесла измученная болезнью женщина, — а теперь посиди со мной. Знаешь, милый, я очень любила твоего отца. Только поняла это слишком поздно. — Отведенный взгляд, дрогнувший голос. — Прошу, не суди нас строго. Не забывай, но хотя бы прости. — Слезы текли по впалым щекам.

Не в силах больше сдерживаться, Ян кинулся к матери, такой взрослый и такой одинокий.

Она никогда раньше не чувствовала с ним близости, не разговаривала по душам, не знала о его желаниях или мечтах... А сейчас этот молодой мужчина прижимается к ней, словно маленький мальчик. Как глупо прошла жизнь! В чем был ее истинный смысл? В отстаивании идей, в суматохе событий, в экстазе, переплетении тел, в агонии родов, в покаянии и терзаниях? В чем бы он ни был, теперь узнавать поздно. «Нет времени!» — какое страшное выражение, холодящее душу своей безнадежностью. Проще умереть, чем чувствовать его. Так далеко становятся реальные объекты, и приближаются тени. Тени, длиной в вечность...

Могут ли быть крепче объятия, чем у людей, которые, обретя друг друга внезапно, прощаются навсегда? Хотелось бы верить, что нет, иначе грош тогда цена Человеку Чувствующему.

ГЛАВА 2

Новая компания Сиси оказалась приветливой и добродушной. Продефилировав мимо зеркального шкафа, чтобы незаметно взглянуть на свой сногшибательный наряд, я уселась поудобнее на просторном кожаном диване и стала рассматривать собравшихся.

Стас — невысокий блондин с открытым умным взглядом и густой копной слегка выющихся волос — хирург, кандидат наук. Настасья — его девушка, миниатюрная, очень приятная и мягкая в общении — биолог. Стас и Настя славяне, как и я, чем нравятся мне еще больше. Мы будто в одной упряжке. Богдан и Роман — болгары из диаспоры, приехали по обмену опытом. Девушка с длинной электронной сигаретой, занявшая кресло, в своем мужском костюме напоминала Жорж Санд, так и буду ее звать. Она, скорее всего, феминистка или лесбиянка, или то и другое вместе. Сиси любит собирать у себя разных оригиналов, похожих не то на мужчин, не то женщин. Глаза у Жорж Занудки слишком выпуклые, как будто лягушачьи — блекло-зеленые. Мелкие, в них по лодыжку — никакой глубины. Может, обкурилась? Да какая мне разница!

Разговор, прерванный нашим вторжением, возобновился. Я попыталась вникнуть в суть, но в этот момент со второго этажа спустился человек, полностью поглотивший мое внимание. Аркадий — милый и добрый друг, чистая душа. Его, пожалуй, единственного искренне хотелось видеть в этом давно покинутом мною доме. Аркадий был писателем. Не просто заурядным графоманом, бумагомараккой, позером, с претензией на оригинальность, вовсе нет! Гениальным творцом с уникальным стилем. Такие, как он,

встречаются раз в поколение — глубокий, разноплановый, с сюжетами, держащими в напряжении до последних страниц. Неординарные повествования, искусно сплетенные из лирики, юмора, философской печали и человеческой тоски, освобождали читателя от витиеватости фраз ради истинной цели — услышать каждое биение сердца, прочувствовать каждый оргазм, прожить каждый предсмертный хрип.

Произведения, вышедшие из-под пера Аркадия, читали взахлеб все наши друзья, друзья наших друзей и те, кому по счастливой случайности удалось заполучить копии рукописей хотя бы на пару деньков... И все! Но причина крылась не в отказе издательств печатать его, а в странной фобии, патологическом страхе перед завершенным. Из-за этого Аркадий наотрез отказывался публиковать романы, панически боясь поставить точку. Подобно безумцу, он лихорадочно правил концовки, вставлял новые главы, придумывал очередных персонажей в уже оконченных произведениях. От этого тексты превращались в живую пульсирующую массу, словно разумный океан на планете Солярис, принимали новый вид и смысловую окраску. Поначалу своеобразный литературный феномен, граничащий с творческим вандализмом, изрядно удивлял и раздражал. Только поплачешь над умершим персонажем, как он в следующей версии жив-здоров, да еще и радуется всем успехам в спорте! Но, в конце концов, все привыкли к героям, то отходящим в мир иной, то оживающим снова. Череду реинкарнаций начала искренне забавлять, а некоторые наши приятели, умеющие превратить любую человеческую странность в фарс, даже придумали тотализатор со ставками на окончательный вариант.

Однажды, в тайне от Аркадия и по просьбе Сиси, я протезировала своему шефу-редактору один из его романов. После прочтения тот восхищенно воскликнул:

— Bravo, дорогая! Это настоящий улов — срочно в номер!

После публикации на адрес редакции посыпалось бесчисленное множество писем с просьбой новых книг уникального автора. Мы возликовали. Вот это удача! Не тут-то было! Узнав о случившемся, мой друг расплакался, как ребенок, совершенно раздавленный «предательским» поступком. Подумать только — ни капли тщеславия! Мы были потрясены и даже чуточку задеты. Однако, успокоившись, поняли: никто не имеет права посягать на чужое, пусть даже творчество гения, способное его озолотить.

Аркадия не пугали ни бедность, ни лишения. Он скитался по белу свету, проезжая автостопом тысячи километров с совершенно пустыми карманами, веруя лишь в одно — добрых людей на земле много, в беде не бросят. И его действительно не бросали — хлеб и кров находились всегда. По-детски благодарно принимая подаяния, Аркадий старался отплатить добром за добро. Не раз я заставляла гения за посадкой цветов на балконе Сиси или уборкой в квартире Яна. Никакая работа не была для него зазорной, во всем он видел только положительные моменты. Думаю, Аркадий мог бы еще очень долго пребывать в подобном блаженном состоянии, обременяясь лишь муками творчества, если бы не внутренний червь, поедавший его нутро...

В тот вечер меня ошеломило, насколько мог сдать человек всего за каких-то полгода. Седина атаковала буйную шевелюру, глаза, светящиеся некогда

лихорадочным, но все же озорным огнем, потускнели, налились водянистой мутью, а похудевшее, осунувшееся лицо приобрело страшный восковой оттенок. «Он не жилец», — промелькнуло в моей голове. От этой мысли я содрогнулась.

— Здравствуй, здравствуй, мотылек. — Присев рядом, Аркадий судорожно сжал мои пальцы в своих влажных холодных ладонях. Невыносимо захотелось отдернуть задрожавшие руки, но я не решилась. О редкой форме злокачественной глиомы все знали уже давно. Лишь он сам отказывался в это верить — верить и лечиться.

Непроизвольная судорога пробежала по измученному телу. На мгновение — затравленный взгляд.

«Точно не жилец», — накрыло меня лавиной.

— Пишешь, скажи, пишешь? — прошептал он, как заклинание, заглядывая мне в глаза.

«Что же ты хочешь там отыскать, милый мой непоседа?»

Комок подступил к горлу. Почему талант всегда обречен на самоистязание?

— Пытаюсь. Но получается нелепо и бессмысленно.

— А кто сказал, что в книгах обязательно должен присутствовать смысл? Большинство гениальных книг кажутся бессмысленными. По крайней мере, согласно общественному мнению. Взять хотя бы «Смерть в Кредит» или «Виллу Амалия» Кеньяра. О чем эти книги? О чередующихся мало чем примечательных событиях, о людях, часто ошибающихся, о жизни, аморальной и бессмысленной. Что тут поделать... — Он ушел в себя.

Я сжалась от пронзительного осознания неминуемой потери.

Стараясь не нарушить великий переход Аркадия через тонкую грядку материального и нематериального пространства, я незаметно высвободилась, осторожно встала с дивана. Два шага, и вот он — спасительный балкон. Разрыдаться бы, да только жалость к себе не поможет другому.

Выглянула Сиси с пачкой сигарет в руке.

— Будешь? — Протянула мне.

— Нет, больше не курю.

— Все в порядке?

— Со мной да, а вот Аркадий... — Я осеклась, не в силах озвучить свои мысли.

— С Аркадием все плохо. Уже появились эпилептические припадки. Как бы ни хотелось, чуду не произойти, — сокрушенно вздохнула Элизабет. — Ладно, не буду мешать. Побудь одна, порой это необходимо.

— Сиси, — окликнула я уже скрывающуюся за портьерами подругу.

— Что? — отозвалась та, приоткрыв шторы.

— Спасибо.

Бет печально кивнула и снова исчезла.

Чуду не произойти... Бог ты мой! О каком чуде мы грезим, «временно живущие», справляющие панихиды по чуть раньше умершим?! Бессмертие — единственное чудо, которое никому из нас не заполучить. Все остальное — лишь отсрочка, что может быть забрана в любой миг. Но ныне здравствующим всегда кажется, будто их будущее — долгоиграющая пластинка, и в сострадание к смертельно больному подмешено тайное высокомерное облегчение.

Ветер обдувал лицо. Я зажмурилась и вдохнула полной грудью. Захотелось раздеться догола и подставить воздушным потокам тело, пока оно еще живое, пока может чувствовать.

Встала на носочки, изогнулась, подняла руки ладонями к небу.

Превратиться бы в птицу да полететь куда сердцу мило, в безбрежную даль, к любимому Черному морю, к пенистым барашкам, набегающим на берег!

Только я успела выдохнуть, как за спиной приятный мужской баритон мелодично произнес:

— *Тонкие крылья, раздвоенный хвостик,
Птичка небесная, не беспокойся!
Я наблюдаю, и руки пусты.
Ты — как привет для меня с высоты.*

Встрепенувшись, резко обернулась. Молодой человек, который пять минут назад листал глянец, делая вид, что светские разговоры ему претят, теперь, облокотившись о дверной косяк, меланхолично улыбался, ожидая моей реакции.

Я внимательно взгляделась в незнакомца.

Красавцем, пожалуй, его рискнул бы назвать не каждый. Крупные черты слегка утяжеляли лицо. И все же от цепкого взгляда не так просто оторваться. Белая рубашка здорово подчеркивала рельефы загорелого тела — каждый мускул, каждый изгиб казались выточенными из камня. С беспричинным восторгом я представила, как жестокий, но очень красивый чужак накрывает большой ладонью мое горло. Чтобы не выдать смятение, раздраженно нахмурилась. Пусть лучше думает, что я дикарка, нежели глупая кукла из разряда «бери не хочу».

— Ты так интересно выгибаешься, — подмигнул незнакомец.

— Судя по вашему высокомерному тону, могу предположить, что это не комплимент, — иронично хмыкнула в ответ.

— Зачем умным женщинам комплименты? Они настолько одержимы фобией не быть одураченными, что любую легковесную шутку превращают в оскорбление.

— Если вы о раздвоенном хвостике, я не обиделась.

— А с какой стати тебе обижаться? Ведь четверостишие не о крокодиле, а о ласточке, которую ты мне напомнила. Ты была настолько легка и, не побоюсь этого слова, легкодоступна, что захотелось взять тебя в руки и погладить. А теперь ты зачем-то скукожилась и держишь оборону. Не терзайся гордыней. Думаю, тебе не меньше меня известно: неприступность портит девиц. Нужно быть честнее: все мы живем ради секса, какого черта это скрывать! — Присев на край подоконника, он закинул ногу на ногу.

Бесцеремонные слова, наверное, задели бы меня, будь в них чуть меньше правды. К счастью, во мне всегда жило чувство справедливой самоиронии. Действительно, что скрывать: все мы хотим одного. И хоть кротостью я не отличалась, мне удалось смягчить взгляд.

— Как вас зовут?

— Прости, не представился. Дэннис Донос. Грек.

В голосе легкое бахвальство.

— Ах! Вот откуда свиснут профиль, — съязвила я, дурашливо захлопав ресницами.

Из открытой двери комнаты донеслись отзвуки бурных дебатов.

— Идем, посмеемся над спорщиками, — улыбнулся Дэннис, протянув мне руку. Мы вместе вернулись в зал.

— Слушай, а кто этот умник? — совершенно равнодушным тоном поинтересовалась я после у Элизабет.

— Не советую связываться. Еще тот провокатор с тремя «В»: возбуждающий, веселый, ветренный. Мечта, которую невозможно схватить за бороду.

— С провокаторами завязано с некоторых пор... А на счет мечты — уж точно не про тебя. Не просто же он здесь ошивается?

— Я тут ни при чем! — засмеялась Сиси, даже бровью не поведя на намек о ее братце. — У нас с ним нейтралитет. Неконтролируемые страстные порывы прибавляют морщин.

Я машинально кинула взгляд на лицо Бет. Кожа нежная, гладкая. Мне захотелось коснуться ее щеки. Словно подслушав мысли, подруга тихонько шепнула:

— Мышонок, тебя никто не гнал.

— Элизабет, не делай этого со мной. У меня нет иммунитета против памяти.

— Ладно. Ты всегда была чудовищно прямолинейна, но, наверное, это в тебе и подкупает. Прошу, не исчезай больше, мне так о многом нужно посоветоваться, расспросить, выведать! — Нежно сжала Сиси мое плечо...

Разговор о политике плавно перешел в дискуссию о статусе женщины в обществе. Темы подобного рода часто заводят в богемных кругах. Положение слабого пола весьма интересует интеллигенцию! Вопросы феминизма обсасываются часами. Права и обязанности, свободы и ограничения! Конца и края нет таким дебатам, особенно если среди оппонентов вдруг, откуда ни возмись затешется феминистически настроенная особа. Тогда держись! Непринужденная, ни к чему не обязывающая беседа превратится в столкновение манифестов и кровавые штурмы идеологических баррикад.

Подобная болтовня мне совершенно не интересна — я участвую в ней изредка, просто ради чеса языком. Этим вечером полемика оказалась особенно животрепещущей благодаря притаившейся «Жорж Санд». Как оказалась, она только и ждала подходящего момента, чтобы завести свою дурацкую шарманку.

— Обычно ее никто не слушает, — прошептал мне на ухо Дэннис, словно мы друзьями не разлей вода.

Я заволновалась. Его стратегия была мне знакома. Мужчина и женщина, эрос и флирт. Что тут удивительного?! Люди, которые играют в игры, игры, в которые играют люди. Все привычно, нормально. И все-таки заволновалась...

Повернувшись к нему, так же тихонько спросила:

— Разве вам не жаль ее?

Томно моргнула. Ну и кокетка же, черт! Все понимая, он улыбнулся, ну и пусть. Какая разница? Все мы действительно хотим одного!

— Зачем мне думать о ней, если есть ты. Думать о тебе намного приятнее.

Пока я нашлась что ответить, он снова отошел в сторону.

«Тебе хочется быть котом, хорошо! Давай играть!»

Поискав глазами Джудит, я мысленно хмыкнула.

«Бедный Клаус. Тебе сегодня не удастся заснуть спокойно. Твой кот уже рядом...»

Пытаясь отвлечься от замусоленных до дыр тем, я подседа к Насте со Стасом. Они рассказали мне последние новости со своей родины. Оголодав без близких по духу людей, я с большим удовольствием слушала все, о чем они говорили.

— Каждому человеку хотя бы раз в жизни нужно посетить три города. Париж, Вену и Петербург, —

сказала Настя. — Я была в каждом из них и, поверьте, до сих пор не знаю, какой величественней!

— Конечно же, Питер, — сказал Стас.

— Он просто фанат своего любимого города! — засмеялась Настя.

— Это может вызывать только уважение, — ответила я с чувством щемящей грусти.

...Мне было пятнадцать, когда я впервые побывала в Питере. Эта поездка к маминим родственникам вскружила голову на долгие годы. Блистательный Санкт-Петербург, его белые ночи, великий Эрмитаж, Казанский собор и брусчатые набережные Васильевского острова завладели юным сердцем не меньше, чем старинные города матушки-Европы. До сих пор помню, с каким трепетом наблюдала я, как разводятся мосты в ночи. словно по мановению волшебной палочки, распахивались железные крылья, и громады морских судов, следующих по Ладоге в Балтику, медленно и величаво проходили по Неве.

Мне никогда не забыть стену старого кирпичного дома по улице Блохина, 15, возле которой не переводятся охапки цветов. Именно здесь работал Виктор Цой, с чьей трагической смертью оборвалась эпоха Последних Героев, зато родилась легенда для целой плеяды подростков, жаждущих перемен...

— Идея «эмансипе» манит женщин, словно мух на сладкое. Скажи, Свята, ты ведь, наверное, ярая сторонница гендерной политики? — неожиданно обратился ко мне Дэннис.

Вырванная из воспоминаний юности, я слегка оторешенно посмотрела в масляно-карие глаза, пытаюсь проанализировать вопрос.

— О, она — гремучая смесь феминизма и поклонения андрогинной теории, — услышала я шуточный голос Сиси. — Хотя и тщательно это скрывает.

— Моя жизнь — мои законы, — улыбнулась я в ответ. — Если они иногда пересекаются со взглядами каких-либо движений, это еще не значит, что я поддерживаю их. Для меня идея равенства, прежде всего, в уважении чужих прав, а не в доказательстве тождественности всех между собой. Я совершенно не хочу быть похожа на каждого из вас. Это означало бы полное подавление характера, подорвало бы собственную уникальность, а главное — убрало бы из жизни самый главный элемент существования — игру.

— Но если ты за андрогинность, то есть за бесполость, тогда ты противоречишь самой себе. Бесполость ведет к тождественности, а как же тогда ощущение собственной уникальности и желание игры? — поинтересовался Роман с налетом ехидства.

— Трактовать андрогинность как бесполость все равно, что геев обозвать андрогинами, — ответила я с раздражением. — Андрогинны, по Платону, как раз сочетали в себе признаки обоих полов, являя собой эталон самодостаточности. Это говорит о том, что настоящий человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих. Отсюда его тоска по гармонии, а также причина сублимации недостающих качеств. Читайте платоновский «Пир», господа!

— Как сказал Соловьев: «Образ и подобие Божие, то, что подлежит восстановлению, относится не к половине, не к полу человека, а к целому человеку, то есть к положительному соединению мужского и

женского начала, — истинный андрогинизм — без внешнего смешения форм, что есть уродство, — и без внутреннего разделения личности и жизни, — что есть несовершенство и начало смерти», — процитировал Стас.

— Вот именно! — благодарно кивнула я ему.

— Но природа несовершенна, друзья. А ты, Свята, идеалистка, — сказала Сиси. — Сильно подтверждается твоя теория андрогинности в ваших отношениях с Джудит?

Я вспыхнула, но промолчала и, лишь слегка прищурившись, хмыкнула укоризненно.

Наша с Джу жизнь никого не касалась, и даже подруга не имела права вмешиваться в нее, тем более обсуждать при посторонних. Вроде бы безобидный выпад, а сразу закралось сомнение: «А стоило ли сегодня возвращаться к прошлому, которое уже однажды подложило свинью?»

— Как по мне, каждому должны быть присущи истинные качества, данные им природой: мужчинам — мужество, женщинам — женственность, — продолжала Сиси, сделав вид, будто не заметила моей поджатой губы. — Хотя ничего не имею против естественного присутствия андрогинности в человеке, как у Тильды Суинтон, например.

— Ох! Берегитесь, мужчины не любят слишком умных и сильных женщин, даже если они так хороши, — сказал Дэннис, склонившись надо мной с бокалом вина, который я оставила на столе.

— И поэтому они спят с себе подобными! — выпалила «Жорж Санд», запыхавшись, словно запрыгнула в автобус на скорости. — Возвращаясь к феминизму! Удачно воспользовавшись им, ваше племя нашло оправдание своему бессилию! — метнула она

тысячу молний в сторону Дэнниса, на что тот лишь снисходительно улыбнулся в ответ.

— К сожалению, в ее словах есть доля правды. Раньше в мужчинах жила сила и страсть, а сейчас сплошная боязнь несоответствия. Спасибо. — Я взяла бокал из его рук.

— Точно. Сегодня нам говорят, что женщина — это сплошной комок нервов и комплексов. А как же им не появиться, если парней нормальных не осталось. Я, допустим, за лесбийскую любовь. Чем лесби хуже геев? — подхватила мою мысль Сиси.

— Да уж, в лесбийской любви есть хотя бы надежда, что человек вернется к нормальному образу жизни, — неожиданно для себя заключила я, желая поддеть одновременно и подругу, и Дэнниса.

— Довольно жесткий выпад против определенной части человечества, — послышался ироничный голос Джудит за спиной.

Встретившись с ним взглядом, я смутилась.

— Не знал, что ты настолько обеспокоена судьбой гомосексуалистов, — шутливо щелкнул он языком.

Все весело рассмеялись. Одной мне веселиться расхотелось. Большие глаза Джу заблестели недобро, словно говоря: «Ну и сука же ты лицемерная!»

Надо было бы остановиться, но меня понесло. Красавиц Дэннис поглядывал игриво — разве я могла упасть в грязь лицом? Жажда секса порой обладает разрушительной силой, самый чудовищный смерч, сметающий все на пути, ничто по сравнению с ней.

— Их судьба меня тревожит куда меньше, чем количество одиноких девушек. Такое впечатление, что прошла война и всех мужчин на ней убило.

— И в этом конечно виноваты мы — мерзкие пидары!

По комнате снова понеслось легкое хихиканье.

— Отчасти да, — сказала я, с замирающим сердцем.

— Чем же? — поинтересовался Джу, присев на подлокотник моего кресла.

— Тем, что даете повод молодым мальчишкам типа Клауса усомниться в естественности человеческих отношений.

— Ну, допустим, Клаус сам решит, какие из человеческих отношений естественны, а какие — нет. Ему все подскажет собственное либидо, а уж никак не я.

— Джу, ты прекрасно понимаешь, о чем она. Выбор может быть сделан ложно, но только назад ничего не вернуть, — пришла мне на помощь Сиси, хитренько улыбнувшись. Видно было, как наша перепалка раззадорила ей настроение.

— Господи, куда это я попал? Здесь что, линчуют геев? — засмеялся Джудит.

— Нет, здесь линчуют всех мужчин, которые хорошо выглядят, — подмигнул ему Дэннис.

Я не являлась неистовой поклонницей однополых связей. Скорее, мое отношение к гомосексуализму колебалось между неоднозначным и идеалистическим, зачастую оказываясь намного противоречивей, чем мне хотелось. В юности, зачитываясь книгами Форстера, Болдуина и Жане, я чувствовала беспредельное желание принадлежать к числу мучеников, которым не дозволено свободно самовыражаться и отдаваться чувствам без страха. При этом жаждущее запретной романтики сердце рвалось и трепетало, как флаг на мачте. Постепенно мечта о незаурядной, печальной, страстной любви стала ассоциироваться у меня лишь с образом двух мальчиков держащихся за руки. А потом появился Джудит, красивый и недосягаемый,

словно персонаж из любимых книг. Он стал другом, братом, сокровенным желанием. Я словно потеряла собственное лицо, утонув в океане мистификации.

Но время шло, и хаос в голове стал потихоньку развеиваться, как облако пыли за промчавшимся авто. И чем дольше я жила рядом с Джу, тем тоньше становилось полотно моей иллюзии. Очарованная душа, до последнего не желая видеть реалии, наконец, столкнулась с обыденностью. А может, я просто не могла простить геям моего Джудит и той ошибки в хромосомном коде, из-за которой мы так и не стали по-настоящему одним целым?

Оглядываясь в прошлое, могу честно признаться: моя игра в дружбу с геєм оказалась ничем иным, как тоской по психологическим качелям «запретного — близкого», а еще — глупой верой чудо, которое все же однажды случится. Я продолжала надеяться, что сила настоящей любви, о которой нам твердят с детства, может сломать все преграды, даже победить дегенерацию молекул! Увы, все это чушь, как чушь и постулат: эмансипация является пределом мечтаний любой женщины. Объясните мне, глупой, в чем он, этот предел мечтаний?!

В том, что наша борьба за «право быть не тронутой хотя бы пальцем» привела женский род к тотальному одиночеству и еще большей зависимости от тех, кто кажется непримиримым врагом в постели, в быту, на трибунах парламента?! Господи! Какие же вы все дуры, все те, кто искреннее уверовал в идеи фригидных бездушных анархисток, выдвигающих лозунги о равенстве и братстве, одновременно пропуская через свои тощие чресла тысячи мужиков в надежде пережить хоть какое-то чувство, кроме жжения воспаленной гордыни.

Бесспорно, господа! Движение «эмансипе» одержало победу. Вот только с точностью до наоборот! Парни оделись в рюши, девушкам ничего не осталось, как натянуть брючные костюмы — стать агрессивнее и сильнее, выживать, надеясь только на себя. За что боролись — на то и напоролись! Вот тебе и свобода выбора. Дура ты, «Жорж Санд», оттого и такая феминистка!

А я больше не хочу иметь мужчину-брата, я по уши сыта призывами к равенству отношений. Верните мне мужчину-хозяина, воина, господина! И ради этого я готова растерзать эту лягушачью морду с ее идиотскими идеями в ключья!

Лес рубят — щепки летят! Одной из таких щепок в тот вечер истал Джудит.

«В конце концов, что страшного произошло? Завтра вернусь домой, обязательно попрошу у него прощения. Но сегодня моя цель — Дэннис. Имею же я право на маленькое предательство?»

Мне почти удалось договориться со своей совестью, как вдруг из коридора донесся голос, от которого все тело свело одной большой судорогой.

— Слушай, Фелиция, отвали... Я в отвратительном настроении, так что пошли к черту твои писульки, — долетали в комнату обрывки фраз.

— Грубиян, — обиженно пискнул женский голос.

— Еще какой! — перебил ее мужской.

Спустя минуту в дверном проеме появились двое: Фелиция, студентка филологического факультета — невысокая, похожая на мопса, курносая рыжуха, и он — светловолосый, голубоглазый, коротко стриженный, небрежно выбритый, вызывающе дерзкий и, как всегда, с блестящим взглядом от принятой дозы алкоголя.

На мою несчастную голову словно опустился гигантский молот.

Если бы только люди умели растворяться в воздухе, если бы научились проскальзывать через водосточные трубы, может, тогда нам всем удалось бы избежать сотен нежелательных встреч! Ну почему именно сегодня он притащился сюда?!

Все вокруг зашумело, загудело, мысли бросились врассыпную. От внезапно появившегося напряжения в ухе неприятно щелкнуло, а по голове разлилась свинцовая боль. В поисках защиты моя рука инстинктивно вцепилась в локоть Джудит. Тот мягко высвободился.

«Джу! Гаденыш! Не бросай меня в эту минуту!»

Но друг, задетый нашим противостоянием, не хотел слышать моих сигналов бедствия. Его безразличный вид говорил: «Как хочешь, так и выкручивайся теперь, сучка подлая!» Да... Человек тонет не потому, что не умеет плавать, а от панического страха. Вот и я начала тонуть, открыв объятия неизбежности.

Удивительно, как сознанию в стрессовом состоянии удается зафиксировать множество деталей, происходящих практически одновременно. Быстрый, оценивающий ситуацию взгляд Сиси, нервный вздох Яна, театральное спокойствие Джудит. Треугольник интереса, раздражения и хладнокровия, а в центре я — со звериной тоской. Все вернулось на круги своя, будто и не уходило прошлое.

В сущности, человек — это всего лишь животное с памятью...

Я часто задумываюсь, все ли люди при расставании обречены на чувства неприязни и отвращения

к тем, кого еще вчера считали почти своей плотью? Или этот кошмар — только мой удел?

Роберт: человек-притяжение, человек-опасность, человек-беда. Смутьян, бедокур, смельчак, прожигатель жизни, алкоголик... Его можно было бы наделить множеством эпитетов, да только ни один из них и близко не передал бы суть настоящего стихийного бедствия. Мне всегда везло на сумасшедших парней, но этого мало кто смог бы переплунуть!

Двоюродный брат Сиси по материнской линии, вторым происхождением был обязан Германии. Возможно, именно арийская кровь повлияла на его характер, наделив множеством неоднозначных качеств, в том числе и определенной долей надменной иронии.

«Людам нужны провокации. Они заставляют серость менять свой цвет», — зазвенела в голове фраза, брошенная им однажды. Следом вспомнилась и другая: «Чтобы заставить стадо что-либо сделать, нужно просто дать почувствовать ему свою значимость».

От таких глумливых слов у многих наверняка возмущенно перехватит дыхание. Взращенные на высоких моральных идеях, с ложкой каши, засунутой нам в рот, мы считаем, что четко различаем хорошее и плохое. А действительно различаем ли? Стоит лишь с широко открытыми глазами взглянуть на происходящие в мире события, на жестокости религиозных фанатиков, на слепую веру в антихристов, как начинаешь понимать: Роб просто говорил то, о чем другие боятся думать.

Сиси рассказывала, что однажды в колледже на лекции «Фашизм. Его причины и последствия» ее кузен, вызвавшийся отвечать, завершил доклад выводом: «Зловещий пирог войны выпекают из трех

основных ингредиентов — очень богатых циничных подонков, фанатов и очень бедных циничных подонков. Первые — перекраивают мир по своему усмотрению. Последние благодаря военному хаосу превращаются в сливки общества и начинают обогащение, середину же просто выковыривают. Но все те, кто однажды захочет стать частью такого пирога, должны помнить: когда начинаешь мстить — рой сразу две могилы. Наша страна заплатила сполна за каждое слово этой фразы. Германия, из-за глупой веры в избранность, потеряла во Второй мировой огромное количество жизней и надежд. Война унесла миллионы идейных, патриотичных и размахивающих флагами людей, которые готовы были умирать за свою страну, умирать за свободу, умирать героями. Но в действительности они гибли за ложь и пропаганду. Когда же, наконец, у моего народа хватит сил простить себя за все и громогласно заявить: довольно уже сионистам наживаться на вопросе Холокоста. Ведь если задуматься, кто спонсировал эту великую бойню? Разве не богатые еврейские семьи финансировали нацистскую власть? Без капиталов, предоставленных дельцами с Уолл-Стрит, не существовало бы Гитлера».

За эти крамольные вещи парня чуть не исключили, несмотря на солидную сумму, перечисленную семьей в фонд помощи еврейской общине. А через месяц, позабыв о пламенных речах, он уже дрался в первых рядах с полицейскими на футбольном матче и был поставлен на карандаш за экстремизм... Да! В этом был весь Роб.

Своей неумной энергией, сметая все на пути, он как смерч проносился по судьбам людей, глумясь, веселясь и кутя. Тех, кого ослепил его необузданный нрав, теперь и не счесть! Еще бы! Контрастность

характера, где наравне со смелостью, щедростью и прямоотой суждений проявлялись вспыльчивость, грубость и цинизм, отчего-то внушали уважение окружающим. Роберт пугал, манил, раздражал и восхищал одновременно.

Удивительно, как глубоко вросли в человечество повадки звериного мира. Все так же доминируют дерзкие безумцы, для которых схватка — это не способ выживания, а самоцель, развлечение. Ты трепещешь и заискиваешь перед безумной силой не столько из-за страха, сколько из-за тайной зависти к неподдающейся объяснению жажде уничтожения и самоуничтожения.

Девицам, желающим согнуть на полях грубого шарма, с томленьем о крепких руках, жадных губах и грубой щетине, скажу только: «Готовясь отдать душу лишь за один миг соития с очаровательным чудовищем, помните: цена такого счастья слишком высока».

С тех пор, как мы виделись в последний раз, прошло не больше восьми месяцев, а Роберт стал иным. Я заметила это, как только он поднял голову. В его колючем взгляде появилась тень странной печали, которую он тщательно скрывал за бесцеремонностью грубых манер. В остальном мой бывший остался верен себе — очаровательный бесстыдник в золотой серьге, подаренной мной ему когда-то на день Святого Валентина.

Я закрыла глаза, и два непостижимых года, проведенных вместе, пронеслись в памяти стремительно, за пару мгновений!

ГЛАВА 3

Если зарождение чувств к Джудит походило на внезапную безумно яркую вспышку света, то любовь к Роберту стала вулканом, который, постепенно вызрев, взорвался лавой и испепелил дотла.

Мы встретились у родителей Сиси на рождественском празднике (к тому моменту мне удалось слегка натянуть вожжи в отношении Джу). Кузен подруги появился в разгар веселья с очень худой коротко стриженной блондинкой из разряда «хочу стать селебрити, помогите, чем можете».

— Свята, познакомься, мой двоюродный братец Роберт. Он на половину немец, и эта половина все время гадит ему, — усмехнулась Элизабет, не сводя глаз со спутницы брата. — А это Айра. — Пауза, полная пренебрежения. — Его, так сказать, вторая половина. — Еще одна пауза. — Дня сегодняшнего.

Моментально сузившиеся до булавочной головки зрачки костлявой красавицы. Электрический разряд. Колючие взгляды двух светских львиц вцепились друг в друга намертво.

«Ух ты! Территория конфликта интересов».

Я машинально улыбнулась своим мыслям. На мою улыбку Роберт ответил тихим смешком.

Айра ослабила хватку — отвела взгляд и кинула мне небрежно:

— Хай!

Затем, даже не взглянув в сторону Сиси, девица развернулась и ушла вглубь комнаты, очевидно, за бокалом вина. Ее мальчишеские бедра, четко выделяющиеся в темноте синих джинсов, умело выписывали в воздухе восьмерки.

— Что это было?! — усмехнулась я удивленно.

— Коронная походка богемных костей, — съехидничала Элизабет.

— Эй, полегче, сестренка, я еще здесь, — предупредил Роберт и, обернувшись ко мне, добавил:

— Привет... Наслышан о тебе.

— Дорогая, это не я, — вздохнула подруга.

— Конечно, не ты, это ветер нашептал! — понизив голос, он подмигнул Бет.

Дерзкий баритон с хрипотцой.

— У твоего ветра слишком длинный язык. Пусть лучше перестанет ей голову морочить. — Сиси угрожающе свела брови.

Мне стало ясно: речь идет о Джудит.

Легкий холодок меж лопаток. Разве может быть связь между этим очаровательным спартанцем и моей несостоявшейся любовью? Словно в подтверждение сомнений, Сиси мелодично промурлыкала:

— Эти два оболтуса сейчас как бы сожительствоуют.

Заметив на моем лице тень недоумения, Роберт громко захохотал, прикрыв глаза ладонями. Его крупные ноздри раздувались, как у племенного жеребца, а крепкая грудь вздымалась под белой рубахой.

— Нет! Она лжет! — Продолжая смеяться, Роб бесцеремонно и даже грубо шлепнул Сиси по ягодицам.

Та, не успев увернуться, пискнула: «Животное!»

— Просто снимаем вместе квартиру. Мы друзья, только друзья.

— Да, кажется, Джудит, как-то говорил о тебе, — бросила я в ответ. — Ну, так что же нашептал тебе ветер?

Не терпелось услышать хоть пару заветных слов!

— О, этого я не скажу — не в моих правилах разводить сплетни. А вот избегать обыденности научить могу, если захочешь. Но только позднее, а сейчас —

извини, я не один, — искуститель озорно улыбнулся и протянул мне крепкую, красивую ладонь. — Увидимся!

Отошел. Обнял Айру. Та зашептала ему что-то на ухо, и он засмеялся. Быть может, сальная шутка в мой адрес? Плевать! Джу говорит обо мне! А все же этот парень меня зацепил. Разнузданное поведение совершенно не вязалось с романтической фразой. Я вопросительно посмотрела на подругу, та саркастически хмыкнула:

— Что поделать, мой братец — оригинал. Такой оригинал, что вся семья вечно на стреме.

В тот вечер наши глаза встречались десятки раз. Мне это нравилось. Грубый бесстыдный интерес белокурого красавца поднимал самооценку, но мистическому сближению только предстояло начаться, так что мысли нет-нет да и улетали к другой мечте — неуголимой жажде с глупым именем.

В конце торжества Роб вдруг незаметно подошел ко мне сзади и шепнул на ухо:

— Наблюдал за тобой. Потрясающее отсутствие интереса ко всему происходящему. Неужели настолько влюблена?

Я, вспыхнув от неожиданности, резко обернулась.

— По какому праву ты решил, что можешь вести со мной себя так фамильярно?!

— По праву мужчины, который злится, что ты совершенно не идешь на эмоциональный контакт, — ничуть не растерявшись, объяснил Роб.

Он сознательно нарушал приличия.

Его искушенный взгляд открыто и спокойно изучал каждый сантиметр моего лица. Мне не одолеть бездонной синевы. Она прямо надо мной, близко-близко! Конечно, вызов приятен, но все же немного

неловко. Нужно бы отодвинуться, но отойти — значит капитулировать.

— Пусть этот мужчина сбавит темп. — Я отвернулась. — У меня аллергия на борзость.

Короткая пауза, а потом странный недобрый шепот:

— Знаешь, как поступают с обманщицами? Их жестоко наказывают.

По коже пробежали мурашки. Наказывают? Надо же!

— Наказывай свою худосочную фифу, на меня у тебя прав нет, — огрызнулась я в тон ему.

Чувствуя, как с озадаченным видом Роберт бурвит мою спину, я гордо прошествовала в центр зала, к мерцающим огням огромной, под потолок, ели. Вокруг пушистой громадины возлегли десятки препоясанных яркими лентами подарков. У Рождества всегда сказочный налет. Каждый из нас, даже самый неверующий, надеется вытащить чудо из коробки с позолотой. Мое письмо к Санте, если бы случилось написать его в тот вечер, было бы очень коротким: «Дай мне, наконец, взаимной Любви!»

Естественно, слова наглеца застряли занозой в памяти. Иначе и быть не могло. Огненный взгляд, крепкое тело, шепот, приглашающий к игре — необычной, рискованной, экзальтированной. Постепенно желанный образ в мечтах стал менять очертания. Но время шло, а после первой встречи Роб не появлялся снова, и мой интерес к нему стал походить на неполитую розу в вазоне. Как-то Сиси обмолвилась, что брат уехал домой к родителям, чтобы вступить в наследство по отцовской линии.

— Слава богу, это произошло сейчас, а не год назад. Иначе придурок остался бы без штанов, — съехидничала она.

— То есть?

Элизабет замялась.

— Колись ты уже! Я ведь никому не скажу.

— А тут и рассказывать не нужно, все и так знают, — начала нехотя она. Все знали о том, что год назад Роберт развелся со своей взбалмошной женой-испанкой и отписал ей огромную венскую квартиру.

— Вот теперь он живет вместе с Джудит, а эта по-таскуха успешно продала имущество и отчалила на родину предков.

Необъяснимо кольнула ревность. Надо же, какая щедрость!

— Ему было двадцать пять, когда они поженились, а ей около двадцати. Сумасшедшая Альба! Более распущенной особы я не встречала. Помесь испанки с еврейкой — еще та горячая смесь. Вся семья молила Бога, чтобы адский союз распался как можно скорее. Не поверишь, даже я! — тихо рассмеялась Бет.

И этот союз действительно распался через три года, на удивление тихо. Спустя время, подстегнутая неумным любопытством и ревностью, я все же выужу из Роберта причину развода. Ею окажется банальный свинг...

...— Да не помню я уже толком ничего. Мы были очень пьяны, ну и что-то приняли, по-моему, еще. Кто предложил, они или мы — это сути не меняет. Шутка за шуткой, и вот мы уже вчетвером барахтаемся в кровати. Запомнились отчетливо только уморительные моменты. Лысая голова Генриха мелькает между ног Альбы, словно шарик резиновый. Его замызганные очки, которые, черт знает почему, он не снял, наверное, хотел получше разглядеть подробности. Дебора, девушка Генриха, с искаженным лицом

скачущая на мне, словно ведьма на метле. Альба, откинувшая голову в экстазе.

Лицо Роба исказила злая усмешка.

— Потом пришло утро, мы протрезвели, и прежний мир рассыпался на куски. И дело не в том, что кто-то при мне вылизывал мою жену. Хуже то, что она получала от этого кайф...

Так благодаря трагедии одних отношений начинаются другие. Только вот горесть предыдущих, как их ни хорони в глубинах души, остается кровоточащей зарубкой. Я поняла это по грубому тону и задумчивому взгляду Роба, по еле уловимым ноткам горечи и по тому, как он курил сигареты одну за другой во время рассказа.

Откровенная неприязнь к сопернице, вороватой змеей заползшей в мою жизнь, затопила до краев. Но любовь стоит того, чтобы ждать. Несмотря на бешенство и злость, я взяла себя в руки. А когда последние хлопья пепла полетели с балкона в темную бездну ночи, стало ясно — прошлое ушло.

— Между любовниками может происходить все, что угодно. Секс для того и существует, чтобы выходить за грань, наслаждаться им и умирать от него. Но только вдвоем — ты поняла?! — сказал Роберт мне тогда, крепко обняв за плечи.

Я кивнула, но вдруг подумала о Джудит...

ГЛАВА 4

...Однако этот разговор состоится между нами намного позже. Сперва, вернувшись из Германии, Роберт сумасшедшим вихрем ворвется в мою квартиру.

Не говоря ни слова, он, заломив мои руки за спину, жадно вопьется в губы на целую вечность. Затем, прижавшись к моему лбу своим и глядя мне прямо в глаза, прошепчет:

— Я мог бы сейчас задрать тебе юбку и сделать то, о чем думал с момента нашей первой встречи. Но хочу, чтобы ты сама попросила меня об этом. Ты мне очень нравишься, и мне хочется делать только то, что нравится тебе.

Как он исчез, я толком и не поняла. Продолжая стоять у открытой двери в полном замешательстве, я чуть не выкрикнула в пустоту: «Вернись!», но сдержалась. А спустя несколько часов после визита ко мне Роб ушел из салона Сиси с другой женщиной. Можно ли осквернять, любя? Сто раз прокричу: «Нет!» Но Роб считал по-другому. Желала ли я постичь его мир? Как ни стыдно признать, оказалось, да. Глупышку заворожило грубое необузданное очарование, которым хотелось завладеть любой ценой. Конечно же, той ночью я буквально кровоточила злыми слезами и строила планы жестокой мести: «Ты еще у меня попляшешь!»

Да только будоражащее волнение при воспоминании о ненасытных губах предательски уводило в мир грез. От столь вопиющей слабости слезы текли еще сильнее!

— Скучал по тебе, — заявил Роберт, встретив меня у Элизабет на следующий день.

Пару мгновений я молча наблюдала за безмятежно-приветливым выражением его лица, борясь с соблазном послать по-русски куда подальше. Ну уж нет! Моя боль тебе не достанется!

— Кажется, ты мямлил о чувствах, — пренебрежительно бросила в ответ.

— Ошибаешься. Я никогда не мямлю, — уязвлено хмыкнул он.

— Ошибаюсь? Так же, как в том, что услышала: «Я хочу делать для тебя все, что ты захочешь»?

Лишь потребность взять реванш удерживала от яростной атаки.

— Нет, — в голосе Роба появились ласковые нотки, — ты хочешь меня о чем-то попросить?

Взгляд с хитрецей, взгляд победителя. Уверен, что мир принадлежит ему!

Дом Сиси был битком набит народом. Я огляделась: возле окна, на диване — группа девиц, подружки той вчерашней. Вон Джу, разбирая диски на полке, приветливо машет рукой. Хорошо, что вас так много сегодня. Неважно, чем все закончится, — воспоминания останутся. Я набрала воздух — поехали!

— Знаешь, как поступают с обманщиками? — я недобро сощурилась. — Их жестоко наказывают.

— Допустим... Что дальше?! — лицо Роба перекосила наглая усмешка.

— Дальше? Дальше ты сейчас при всех скажешь то, о чем говорил мне вчера. А если нет — только попробуй еще раз приблизиться ко мне, Казанова хренов!

От заигравших на его скулах желваков по коже побежал озноб. Кто знает, что у этого психа на уме. Но отступить было поздно!

— У меня тоже есть условие. Я скажу то, о чем ты просишь, но после этого мы сразу же поедem к тебе.

— А как же ласкающие уши слова: хочу делать то, что хочешь ты? — передразнила я его с ехидной улыбкой.

— Передумал, — отрезал он.

Не дав мне опомниться, Роберт схватил меня за руку и вытащил в центр зала.

— Эй! Диджей, музыку прикрути.

Джудит встревожено вышел вперед.

— Жук!

Джудит нахмурился, но выключил звук.

Недоуменное молчание. Кровожадная заинтересованность. Цепкая пятерня на моем запястье. Бешеный перестук сердец.

— Посмотрите все хорошенько на эту девицу. Вчера я сказал милой фрау слова, которые, как ей показалось, дали право требовать от меня определенных вещей, — его голос заклокотал от ярости. Зажав двумя пальцами верх переносицы, он прикрыл глаза.

Я глубоко втянула воздух ноздрями, даже не пытаюсь вырваться. Сейчас он выставит меня на посмешище, и поделом. Если не по силам борьба — не вяжись. Хотя есть притягательность в сжатых на горле пальцах... Сиси в неподдельной тревоге поднялась с дивана, готовая броситься мне на помощь. Но перехватив ее взгляд, я остановила подругу незаметным движением головы.

— Что ж, — продолжал Роб, — лгуном считаться не привык, поэтому выполняю ее просьбу. С самого первого мига, как мы встретились, я влюбился в стоящую рядом паршивку без памяти. Три месяца хотел сказать ей об этом и вот вчера решился. Я сказал ей даже больше: что и пальцем не трону ее до тех пор, пока она сама об этом не попросит. И готов был сдерживать слово, чего бы мне это ни стоило. Но до тех пор я — свободный мужчина и волен поступать, как захочу.

По комнате покатился тихий ехидный смешок.

— Так что, дорогуша, — рявкнул он мне не то насмешливо, не то угрожающе, — становись скорее моей, тогда и будешь требовать от меня верности!

После этих слов он выволок меня в коридор и скомандовал:

— Одевайся!

— Роберт! Оставь ее в покое! — из-за спины послышался взволнованный голос Сиси.

Обернулась. Элизабет и Джу вышли в коридор. За ними появился Ян.

— Не встрейвай! — отрезал Роб.

— Мы просто пройдемся, — выдавила я улыбку.

Нас провожало три пары недоуменных глаз.

Всю дорогу до моего дома ехали молча. Какая же тяжесть в груди... Не таким мне представлялось начало!

Остановившись у подъезда Роберт открыл дверцу машины.

— До свидания.

Я замерла в нерешительности.

— Чего ты ждешь, иди!

— Как быстро меняются у тебя желания, — раздраженно выпалила я, — то ты хочешь одного, то другого! Зачем, спрашивается, нужно было забирать меня от друзей, если знал, что меня в твоих планах на вечер нет?

— А ты хотела бы остаться и наблюдать, как весь безмозглый кагал глумится над нами? Говорю тебе, иди домой.

Я вышла из машины, хлопнув яростно дверью. Он опустил стекло.

— Послушай меня, девочка. Ни от одного слова, сказанного тебе, я не отказываюсь. Более того, буду верен как пес. Но до тех пор, пока ты не моя, — не обессудь — занимаюсь, чем хочу.

Авто с визгом вылетело со двора...

Конечно же, я открыла ему в следующий раз. Как могло быть иначе?!

Самоуверенной, влюбчивой, пылкой, мне казалось, что знаю о мужчинах все и мне по силам усмирить любого дикого жеребца. А Робу, человеку-фейерверку, необузданному и ищущему, наверное, где-то в глубине души именно этого и хотелось. Мы словно отразились друг в друге, так много общего нашлось у нас — слишком много, чтобы стать просто любовниками. Живя моментом, то взлетая, то падая от удовольствий, драйва, агоний ночных усад, двое бесшабашных экспериментаторов ни на миг не задумывались о будущем, таким насыщенным и безграничным казалось настоящее. Наши души будто растянулись до невероятного размера, вобрав в себя весь окружающий мир.

Спустя три недели мы съехались, подыскав себе апартаменты в стиле лофт. Философия минимализма в период насыщенности чувств полностью устроила нас обоих.

Неподалеку от нашей квартиры находился огромный фитнес-центр с бассейном на десять дорожек. Три раза в неделю мы отправлялись туда вместе и совершали многочисленные заплывы от бортика к бортику, иногда, плывя рядом, держались за руки, а иногда, ныряя, целовались под водой. Однажды мы даже занимались там сексом — в душевой кабине мужской раздевалки. Роберт чуть ли не силком затащил меня внутрь. Помню, как от волнения и стеснения поскользнулась на мокром полу. Но спустя несколько секунд мое тело уже билось в конвульсиях, буквально затопленное чувством. И если бы вдруг понадобилось отдать свою кожу, кровь, почку парню, крепко обнимавшему меня, — я бы сделала это без промедления.

Все произошло стремительно. Мы оба оказались чересчур возбуждены и переполнены бесстыдным озорством. Помню, как Роб, засмеявшись, слегка виновато пробормотал: «Пардон, мадемуазель! Больше ждать не мог. В следующий раз обещаю мучить вас вечно!»

А потом, привалившись к спиной к мокрой кафельной стенке, он прошептал по-мальчишески признательно: «Спасибо». Разве такое забудешь, сколько бы воды ни утекло?!

ГЛАВА 5

В начале мая самолет унес нас на Искью — красивый вулканический остров неподалеку от Неаполя, где в старинном поселке Борго ди Чельса ждала арендованная вилла. Мы поселились в колоритном райончике, своеобразном историческом центре. Плотники изготавливали там мебель в старинных мастерских, рыбаки продавали свежешвыловленную рыбу прямо с баркасов, а булочники предлагали сдобу, выпеченную буквально у тебя на глазах. В конце главной улицы начинался живописный каменный мост, который вел в возвышающийся над гаванью Арагонский замок — Колосс средневековья. Двое влюбленных любили бродить по его развалинам вечерами, когда солнце становилось не таким палящим. Наша вилла, приютившаяся на самом обрыве, эффектно выделялась среди других особняков шикарным панорамным видом на море из всех комнат. По узенькой вымощенной камнем дорожке можно было спуститься прямо на небольшой безлюдный пляж со всегда обжигающим вулканическим песком. Слегка прохудившаяся

черепичная крыша, огромные деревянные балки под потолком, ярко-красные цветы старого олеандра на фоне выбеленного балкона, плетеный диван с креслами в патио, античные амфоры — все это создавало неповторимый средиземноморский уют. Именно такой незамысловатой, но очень милой атмосферы всегда не хватает человеку в переполненном стрессами мегаполисе.

Что произошло во внешнем мире за тридцать дней уходящей весны, даже не возьмусь вспоминать. Память воскрешает лишь смятые простыни, блестящие от влаги тела, взгляды Роберта — то жгучие и жадные, то ласковые и восторженные, его руки, вечно ищущие под моей майкой новую тропинку, где бы мы ни находились.

— Если я не могу тебя целовать постоянно, дай хотя бы держать в руках, — шутил он, поглаживая складочку на моем животе.

В Италии Роб постоянно пребывал в приподнятом настроении, и его необузданная ребячливая веселость эликсиром вливалась в меня. Любовь хищника — пьянящая и кружащая голову, отнимала силы, но и окрыляла одновременно.

— Я люблю тебя до такой степени, что иногда мне хочется смять тебя, как пластилин, — прошептал он как-то на рассвете.

На скрежет его зубов ответ — неумный трепет моего тела...

В тот благословенный период наша неразлучная пятерка — Роберт, Сиси, Ян и Джудит и я — еще постоянно нуждалась друг в друге. Каждый день десятки звонков с расспросами, рассказами, смехом и сетованиями сыпались на нашу голову из Вены. Всем

своим поведением друзья давали понять: «Вам не скряться, любовнички! Мы вас в покое не оставим!»

В конце концов мы сдались.

— Давай позовем к нам ребят, — предложил Роберт, — места всем хватит.

— Давай. Будет весело, — отозвалась я задумчиво, глядя на море.

Ветер раздувал тонкую ткань белого тюля. Занавеска билась бабочкой на ставнях, иногда натываясь на мое лицо. Поджав под себя ноги, я наблюдала в переплете рамы за мелькающей точкой на тонкой линии между небом и беспредельной голубизной. Фигура спортсмена, как легкая ореховая скорлупа, неслась по воде — бесшумная и хрупкая, поддерживаемая лишь большим парашютом.

Сиси с Яном приехать так и не смогли. Всего за несколько дней до отъезда, выходя из машины, подруга оступилась, зацепившись каблуком за парашют. Это стоило ей расцарапанной коленки и сильного растяжения лодыжки. А вот Джудит с удовольствием принял наше приглашение. И свежим ясным воскресным утром мы имели честь лицезреть, как Король-Солнце, лучащийся легкостью, добродушием и красотой, сбегает с трапа неапольского парома.

Наступил июнь. Он подарил одни из самых счастливых дней в моей жизни, превратил отдых в неповторимую симфонию звуков, запахов, ощущений. Игра солнечных лучей на крышах приморских домов, соленое дыхание искрящегося моря, росчерки чаек высоко в голубой лазури — от всей этой красоты душа, переполненная позитивной энергией, беспрестанно отплясывала сальтарелло. Еще бы — два родных сердца бились рядом с моим в одном из самых романтических мест мира! Втайне я даже ликовала, что

Джу приехал один. Обнявшись или взявшись за руки, мы гуляли втроем по узким петляющим по холмам улицам, кормили голубей на площади, лакомились мидиями с помидорами в чесночном соусе в маленьких прибрежных кафешках, наслаждаясь звонкими выкриками местной ребятни, препирались, любя, купались и грелись на невероятно горячем искийском песке. Джу в Италии чувствовал себя как рыба в воде. Прекрасно владея итальянским языком, он без устали болтал со всеми встречными, шутил, пел песни, переводил нам анекдоты и ругательства на базаре. Благодаря его находчивости и общительности, мы узнали лучшие рестораны на острове, сняли хороший катер за гроши и почти бесплатно прошли курс термальных процедур.

Вино текло сквозь нас рекой, и, наверное, именно оно еще сильнее сближало наше трио. Думаю, всем нам виделся один и тот же мистический свет.

Однажды, прямо посреди улицы, на глазах у удивленных прохожих, Роберт порывисто сгреб нас с Джу в объятие:

— Люблю вас. — Его взгляд мечтательно затуманился. — И очень счастлив, — добавил он, умиленно кивая головой.

Джудит улыбнулся в ответ. Его поразительно ясный взор заструился такой неподдельной щемящей душу нежностью, что захотелось плакать и смеяться одновременно. От близости любимых мужчин, наших дыханий, слившихся воедино, пошла кругом моя бедная голова.

Расширившиеся зрачки, крепче прежнего сжатые ладони. Мир замер на мгновение в напряженном ожидании. Решись кто-нибудь из нас сократить дистанцию, жизнь изменилась бы навсегда.

Но, почувствовав опасную близость такого момента, мы разомкнули руки, сконфуженно смеясь...

И снова вино, а потом граппа или лимончелло... Снова раскаты смеха, счастье, переливающееся через край. В один из вечеров Роб обнаружил в хозяйском комодке местную женскую одежду. Вдвоем с Джу они решили устроить показ мод. Еле натянув на себя сарафаны и платья, что обреченно трещали по швам на широких мужских плечах, они, как заправские модели, принялись выхаживать по маленькому подиуму между камином и лестницей на второй этаж.

— Стойте! Вашим образам не хватает руки мастера, — спохватилась я.

Сбегав за косметикой, навела им марафет.

— Ух, модница, да ты хороша собой! — прыснул от смеха Джу при взгляде на покрашенную физиономию Роба, обескураживающую своей вульгарностью.

— С тобой не потягаешься! — заржал тот в ответ, звонко шлепнув друга по заду.

И действительно, макияж сделал Джудит невероятно пленительным, похожим на Киану Ривза в фильме «Маленький Будда». Накрашенные красной помадой сочные губы излучали огненно-красный жар, подведенные стрелками глаза подчеркивали засывающую глубину.

Захмелевший Джу затряс ягодицами, как профессиональный танцор.

— Ого! А стриптиз слабо? — оценивающе приподняв левую бровь, поинтересовался Роберт.

— Только на тебе, красавчик!

— Ого, Жук, потише на поворотах! — смеясь, погрозил ему пальцем Роб. — Я не игрок в твои игры!

— Так умри же, несчастный, — театрально воскликнул Джу и запустил в Роберта декоративной подушкой.

— Ах ты... — Роб схватил ее и швырнул обратно.

В один прыжок Джудит очутился за моей спиной.

— Друзья! Давайте соблюдать подобающие этому дому приличия, — весело заверещал он, вцепившись в меня двумя руками.

Роб налетел на нас обоих и, весело улюлюкая, повалил на диван. Нам оставалось только отбиваться. А потом, счастливые и распаленные, мы побежали купаться в ночное море. Огромная луна чертила серебристую дорожку на водной глади. Темные силуэты красивых молодых тел, упругие мужские бедра, крепкие торсы... Ну почему волшебство мига столь скоротечно?!

Я долго не решалась раздеться. Вдруг оцепенела.

— На раз, два, три, бросаем в воду! — Голая братия подбежала ко мне.

— Нет! Только попробуйте! — заверещала я, убегая, по дороге сбрасывая с себя трусы и лифчик в пьянящем восторге свободы.

Была не была!

Схватившись за руки, мы втроем бросились в набегающую волну и, отплыв от берега метров тридцать, крепко прижались друг к другу. Пожалуй, это был самый безрассудный и самый трогательный момент нашей близости. Если бы только человек понимал, как дорого стоят минуты счастья, он бы, наверное, бережнее относился к каждому брошенному вскользь слову, к каждой грубой фразе или опрометчивому поступку.

ГЛАВА 6

Несколько дней спустя, под вечер, я вдруг поняла, что не нахожу себе места. Нервозность, причина которой была абсолютно ясна, одолевала меня, накаляя обстановку. Тень неудовлетворенного желания, прокравшаяся из прошлого, черной птицей взмыла под своды нашего идеалистического жилища. Напрасно я силилась не замечать приспущенные на бедра трикотажные шорты Джу, не подсматривать украдкой по утрам, как он с небрежной грацией пантеры потягивается, беззвучно зевая. Любая мелочь вроде случайного прикосновения каленым железом жгла мое сердце.

— Ты сегодня непоседа, — заметил Роб, бросив на меня наигранно-подозрительный взгляд.

— С каких пор здесь следят за поведением? — взорвалась я неожиданно для себя самой. — Требую личное пространство! Надоел этот балаган! — чуть не разрыдавшись, выскочила на улицу.

В уверенности, что Роберт обязательно выйдет следом с минуты на минуту, я оставалась во всеоружии. Чувство вины перед ним за крамольные желания распаляло агрессию. Если набросится с расспросами — все выложу начистоту! Не моя в том вина, что не властна над чарами Джудит. Пусть выгонит его к чертовой матери, от греха подальше, иначе до добра это не доведет! Но время шло, а тишина вечера нарушалась только набатом моего сердца. В какой-то момент, раздосадованная отсутствием интереса к моему эмоциональному взрыву, я тихонько пробралась к дому и заглянула в окно. Ребята спокойно играли в карты, попивая пиво. Сердце вспыхнуло яростным огнем. Захотелось бурей ворваться в дом и прокричать

Робу: «Решай — либо я, либо он!» Но, вовремя остановившись, я вдруг отчетливо поняла, что, если не возьму себя в руки, потеряю обоих любимых мужчин. Немного остыв, решила прогуляться к пляжу.

Сине-лиловые облака обнимали заходящее солнце, лениво сползающее по холмам в воду. Набегающая волна шлифовала камешки, шуршала змеей, а потом убегала, игриво журча, навевая воспоминания о прочитанной некогда фразе из книги «Мечтатели».

«Проблема плоти не в том, что она слаба, а в том, что она чересчур сильна».

Крамольные мысли полезли в голову: «Эх, если бы мы могли жить втроем, как герои любимой книги!»

Тело встрепенулось, просыпаясь...

Вернувшись, я решила всем своим видом изобразить беспечную невозмутимость и, сославшись на усталость, ушла в спальню.

Однако около полуночи, не выдержав, я выскользнула из-под одеяла и тайком на цыпочках пробралась в комнату Джу. Там, превратившись в безмолвную тень и затаив дыхание, стала наблюдать за спящим красавцем. Это было мое первое настоящее знакомство с телом друга, ночное купание в счет не беру. Поджарое, загорелое, на белом полотне постели оно раскрылось передо мной во всей своей наготы. Гладко выбритая рельефная грудь, чуть покатые плечи, мускулистые бедра. Меж широко раскинутых ног узкой полоской вилась простыня, скрывая от глаз лишь самую интимную часть. Одна рука заложена за голову, другая откинута в сторону — коснуться бы этой сумасшедшей красоты!

Не в силах сдержать фантазии, я невольно застонала. Ресницы Джу вздрогнули. Испугавшись пробуждения друга, я пулей вылетела прочь.

За завтраком, намазывая джем на булку, друг кинул, будто между прочим:

— Ночью не сомкнул глаз.

Я перестала жевать. Мой растерянный вид вызвал на его лице шкодливую улыбку.

— Ты не спал, когда я была у тебя? — спросила я, чуть дыша, пока Роб ходил за хлебом.

Он хитро покачал головой. Мои щеки зарделись.

— Это все жара, — пробормотала, сконфуженно кусая губу.

— Успокойся, я все понимаю, — подмигнул он мне. В его взгляде читалась нежность, смешанная с иронией.

Следующей ночью я проснулась от собственного стога — войдя в меня, Роб нежно ласкал губами мои соски.

— Ты сегодня так открыта, — прошептал он мне, задыхаясь, — сожми немного ноги.

Мне почудилось, Джудит стоит за его спиной, и я пронзительно закричала, погружаясь в какой-то невероятный, почти мистический экстаз.

— Ты говорила во сне, — заметил Роберт после, закуривая сигарету.

— Что именно? — вопрос вырвался испуганной куропаткой.

— Помнишь, я не выдаю чужих тайн.

Выражение его лица было спокойным и безмятежным.

— Люблю тебя бесконечно, — прошептал он нежно.

Какое счастье быть просто любимой своим любимым...

— Ну ты и крикуха, — поддел бесцеремонно Джу поутру.

Но уже не существовало стеснения. Этой ночью мы все стали чем-то большим. Взгляд Роберта скользнул по нам обоим. На губах его играла странная улыбка — не то мечтательная, не то растеряно-печальная. Он молчал.

— Что с тобой? — спросила я осторожно.

— Так, ничего... Просто счастлив.

А потом теплый ветер понес нас на Кот-д'Азур. Прогноз погоды на Французской Ривьере вырисовывал радужные перспективы. Это значило, что в ближайшие десять дней спать никому не придется. В Монако нас уже ждала Сиси в двухэтажных родительских апартаментах. По счастливой случайности они были свободны, и мы впятером прекрасно устроились в шикарной квартире всего в трех минутах ходьбы от легендарного Café de Paris, Buddha Bar и Jimmy'z Sporting.

Ощущение праздника не покидало нас круглые сутки. Перетекая из одного заведения в другое, мы порой загуливались до полного изнеможения. Ну а как, скажите, можно пропустить Боба Синклера, White Party, походы в многочисленные казино и ночные поездки на ревущем Lamborghini?!

Для полного счастья не хватало только вечеринки на яхте, и я, не задумываясь, набрала отца:

— Привет, па!

— Привет, дочь! Что-то срочное? У меня совещание.

— Ты можешь попросить дядю Антона дать мне яхту на денек? Мы сейчас с ребятами в Монако.

— Ладно.

— Ее надо будет заправить, — бесстыдно сообщила я.

— Уже понял. Пока.

Через час мне перезвонил Димка, сын Антона Васильевича, папиного партнера и старого друга семьи.

— Привет, малая! — услышала я сквозь шум ветра из трубки. — Антон звонил по поводу тебя. Зая, есть некая накладка. Я стою сейчас на Корсике, буду в Ницце только через пару дней. Если ты помнишь, двенадцатого у моей Лерки день рождения, так что присоединяйся со своими друзьями к нам. Вечеринка камерная, только для своих. А яхту могу дать вам дней через пять.

— Подходит. Спасибо, пупс!

— Я давно уже не пупс, — хрипло захохотал Димка.

— Это тебе так кажется, — засмеялась в ответ.

Вечером двенадцатого июля под мелодию *Welcome to Paradise* мы взошли на борт трехэтажной яхты. На «камерной» вечеринке поместилось не менее семидесяти человек. В этом был весь Димон. Экономить родительские деньги для него было не комильфо. Когда-то отцы надеялись увидеть нас счастливо идущими под венец. Так произошло бы окончательное слияние капиталов. Но, не испытывая друг к другу никаких чувств, кроме дружеских, мы уплыли каждый своим морем. Я не видела его больше двух лет. Высокий, коротко стриженный и, судя по диковатому взгляду, под хорошей дозой кокаина, он радостно заключил меня в объятия.

— Привет, обезьяна! Как ты подросла!

— Сам ты обезьяна! Где Лерка? Хочу ее поздравить!

— Любимая! — закричал Димка.

— Ого! — ахнул Роб, увидев, как к нам спускается высокая красавица с формами Памелы Андерсон.

— Ротик прикрой! — фыркнула я.

Ребята рассмеялись.

— Чувствую, мы найдем общий язык! — Димка протянул Роберту руку.

Придумать подарок Валерии для «знающих» о ее хобби было не трудно, сложнее приобрести. Огромная коллекция декоративных яблок из всевозможных материалов красовалась в их доме. В одном из ювелирных бутиков Монако мы обнаружили потрясающий экземпляр — готический изумрудно-зеленый глаз, эдакое «глазное яблоко».

— Господи! Потрясающее решение! — ахнула Лера. — Святка, ты оригиналка!

— Отлично! Подарок вручен, теперь можно и зависнуть! — хлопнул в ладоши Димон. Фонтан из лучшего шампанского, устрицы, морские ежи, фуа-гра, омары... Очаровательные пиджейки, яркий феерверк, вынырнувший из ниоткуда вертолет, сбросивший на нас целую тонну звездной пыли, и, наконец, огромный торт, специально привезенный на катере. Жизнь прекрасна и удивительна, если ты — счастливый обладатель карты Центурион.

В разгар вечеринки Джудит стал к вертушке, и все девушки завизжали от восторга.

— Потрясающие у тебя друзья! — сказал мне Дима, когда они с Робом вышли из каюты, почесывая носы.

Я надулась.

— Малыш! Я ж без фанатизма! Не превращайся в дикую кошку, не порть людям праздник, — нюхая мои волосы, засмеялся Роб.

Пришлось примирительно хмыкнуть. Было слишком весело и хорошо, чтобы злиться. К тому же от постоянного недосыпа у меня слипались глаза и основательно подташнивало. Конечно, стоило бы плюнуть на все — уйти в каюту, завалиться до утра,

но это означало выставить себя полной дурой. Сиси и Ян, как всегда, висели на легких стимуляторах, и мне ничего не оставалось, как попросить их поделиться. Потом все опять пили, жевали и купались в море голышом...

Я проснулась в полдень с тяжелой головой, пустым желудком и ощущением жуткого перепоя. Выбралась на палубу. Господи, ну и жара! А кругом только остатки шумного праздника, да несколько ребят, загорающих на палубе.

«Так забавно! Вчера все были королями и королевами, а сегодня — бледные, изможденные похмельные зомби».

Димка с Робом потягивали пиво в капитанской рубке. Спелись, красавцы! Увидев меня, они замахали приветственно.

— Иди к нам!

— Как ты? — спросил Роб, протягивая бутылку холодного Heineken, только что вытасченную из льда.

— Вчера было лучше, — вздохнула, прикладывая ледяную стекляшку к виску. — А где все?

— Выгнали к черту. Задолбали, алкаши! — заржал Димон. — Твои спят в третьей каюте.

В этот момент под визг девиц Джудит с разбега прыгнул в воду. За ним махнули пару парней. Роб не выдержал и бросился следом.

— Какие планы? — спросил Димка. — Кстати, завтра день Взятия Бастилии. Самый большой праздник у лягушатников. Может, поплывем в Сен-Тропе? На Никки Биче и Бора Бора будут убойные пати.

— Можно! — откликнулась я, уже возвращаясь к жизни. — Кстати, ты не волнуйся — отец расплатится.

— Ты че, мне не в жилу брать с тебя деньги!

— Давай тогда по-честному — пополам. Я все равно заправляла бы яхту.

В каннском порту нас сошло двенадцать человек. Шесть номеров в Miromar, шесть в Hyatt. Пять часов крепкого сна и уже в восемь вечера в казино за рулеткой! Аллилуйя! При этом ни комплексов нереализованности, ни мук творчества. Все гладко и четко, за исключением время от времени трясущихся рук и тумана перед глазами.

— I'm easy like Sunday morning! — пел нам Ленни Кравиц, друг и брат всех веселых ветрогонов.

Привет, Сен-Тропе, город правильных людей! Все, кто рулит на край Лазурки, знает, зачем это делает, — пляж Пампелон, что в километрах десяти от города вытянулся длинной песчаной косой. Первый съезд в клуб Бора Бора, второй — на Кон Тики, туда прет больше всего Rich & Beauty, дальний за ним, в минуте езды, съезд к Ники Бичу и Эпикурин — самая пыльная из всех дорог. А кругом упоительная простота! Снующие повсюду феррари, мазерати, ройсы и бентли, голливудские звезды и охотящиеся за ними папарацци с длинными объективами. Задницы Лопес, груди Афродит, торсы Гераклов. Солнечно, парко, прет... Восторженные крики друзей. Ура! Берем Бастилию — сначала на Никки в водовороте загорелых тел, брызг шампанского, всеобщей эйфории, затем в Бора Бора, в бассейне, наполненном шарами под цвет французского триколора. Почти неузнаваемый диско-ремикс Марсельезы — вот это извращение! Виват либерта! Шары взлетели ввысь! Да здравствует свобода, равенство и братство! Ночь взорвалась безумным фейерверком...

Все домой!

Живые, но изрядно измученные разгульной «Дольче Вита» мы вернулись в Вену. Начались будни. Под натиском родителей мне все же пришлось устроиться на работу. Сиси протезировала мою кандидатуру на должность помощника главного редактора в престижное издательство, которое выпускало собственный литературный журнал. Его задача состояла в тестировании подающих надежды авторов. Те литераторы, чьи произведения получали хороший отзыв после публикации в журнале, могли в дальнейшем рассчитывать на контракт с издательством. Увидев настоящего соратника, обладающего хорошим вкусом и чутьем на бестселлеры, мой пятидесятилетний босс Артур проникся ко мне доверием, даже принялся по-отцовски оберегать. Жаль только, что спустя два года, как раз в период нашего расставания с Робом, он умрет от сердечного приступа. На его место придет высохшая очкастая кобра. С ней мы так и не сможем найти общий язык. Не удивительно, что мой интерес к работе в итоге сойдет на нет. Когда ремесло перестает приносить удовольствие, оно становится таким же не выносимым, как надоевший любовник.

Роберту с родительским контролем повезло больше. Во-первых, когда тебе уже двадцать восемь, у предков заканчивается запас упреков и угроз, а во-вторых и в самых главных — бабушкино наследство творит порой чудеса, обеспечив спокойную жизнь рантье. Однако Роб, привыкший рассчитывать только на себя, не первый год хорошо зарабатывал. Благодаря свободному владению французским и английским языками, он занимался техническими переводами бизнес-документации для крупных корпораций.

Так потекла обыкновенная жизнь, от которой мы оба, на удивление, стали получать удовольствие. Она

подразумевала долгий совместный путь — сначала вдвоем, а чуть позднее и с парочкой карапузов.

Но работа не волк и, как известно, в лес не убежит. В первые числа сентября мы всей дружной гурьбой понеслись в Венецию на кинофестиваль.

2007 год оказался плодовитым на шедевры. «Любимая» — автобиографическое эссе Арно Деплишена о глубокой тоске по рано ушедшей из жизни матери. «12» — напряженная драма Сергея Михалкова с потрясающей игрой российских актеров, которая заставила зал аплодировать стоя. Обличающая картина «Ночной дозор» величайшего эстета и мастера эпатажа Питера Гринуэя, которого я обожала безмерно. Была еще одна безусловная жемчужина фестиваля — красивая и трогательная история о любви и непоправимых ошибках детства — «Искупление» Джо Райта, снятая по мотивам одноименной книги Иена Макьюэна. Возвратившись в Вену, я прочла ее дважды, каждый раз заливаясь слезами. Но лично нас с Робом разозлила и, наверное, поэтому тронула больше всего лента Брайана Де Пальма «Без Цензуры» — о зверствах американских наемников в Ираке. От увиденного и прочувствованного эмоции обострились до предела. Неудивительно, что всего одна нежелательная встреча сумела перечеркнуть сотни наполненных смыслом моментов. Бывшая жена, неподражаемая Альба! Добро пожаловать на сцену!

Наверное, такой женщине я и сама отдала бы целый дом. Испанская дьяволица была не просто безумно красива, она обжигаете пьянила. Длинное узкое лицо, огромные черные глаза пуговицами, слегка опущенные к вискам, сочно-красные губы, которым и помады не нужно! Я запаниковала. Кто может дать гарантию, что прошлое ушло безвозвратно? И, словно

в подтверждение моих опасений, Альба, безразлично прошествовав мимо меня, подошла к бывшему муженьку и крепко поцеловала. Роб слегка улыбнулся. Мое сердце вспыхнуло ненавистью. Еще минута — и начался бы скандал. На помощь пришел Джудит:

— Привет. Прекрасно выглядишь. Разжилась новым спонсором или пока в поисках?

— Не твое дело, — грубо отрезала та низким гортанным голосом, даже не повернувшись в его сторону. Мутно-порочным взглядом она просто засасывала Роба в себя. — Как ты, дорогой?

«Он в полном порядке, сучка безмозглая!» — захотелось кинуть ей в лицо, но вместо этого я стояла молча за спиной мужчины, еще пять минут назад запускавшего в мои волосы пальцы, взъерошивая их нежно, и думала: «Любовь — это имя утраты, которое никакая новая встреча не в силах восполнить».

— Однозначно не так, как тебе хотелось бы, — коротко ответил Роберт.

В то мгновение мне показалось, что мира, принадлежащего лишь нам, больше не существует. Издавка я услышала шепот Сиси: «Вот же наглая дрянь!» Роберт взял меня за руку и повел по коридору. Альба исчезла из поля зрения, но ее присутствие ощущалось весь вечер, нагнетая конфликт. Заходя в кинозал, Роб попытался обнять меня за плечи. Я вырвалась с яростью, не ускользнувшей от друзей. Кто любил, сможет меня понять. Когда встречаются две соперницы, не хочется проигрывать. Особенно, если ты всего лишь любовница, а она — жена, пускай и бывшая. Сколько временных связей может быть у мужчины? Много, очень много! А вот супруга, даже вероломно растоптавшая душу, останется в нетленной памяти на веки вечные.

Мне стало ясно: на красной венецианской дорожке выиграло прошлое. Не имело значения, подерусь ли я с этой самовлюбленной бестией или униженно останусь стоять в стороне. Дело было совсем не в этом, а в самом Робе и его молчании, унизившем мое достоинство. Была ли это растерянность от неожиданной встречи, или чувства к женщине, которая, подобно терпкому вину, могла опьянить любого мужчину, все еще будоражили кровь моего любимого — сказать трудно. Но тот случай проложил первую борозду сомнений в нашей идеалистической любви.

Вернувшись вечером в номер, Роб бросился на кровать прямо в одежде и с сарказмом заявил:

— Начинай, я же вижу, тебя распирает.

Внутри действительно все клокотало.

— Почему мне известно ее имя, а ей мое нет? — бросилась я в атаку.

— Напомни, разве это я первый рассказал тебе о ней? — заложив руки за голову, спокойно парировал Роб.

Язвительная насмешка играла на мужском лице.

— Нет, не ты. И все же мог бы нас представить.

— Зачем тебе это нужно?

— Не прикидывайся дурачком — ты все прекрасно понимаешь! — выпалила я, уже не в силах сдержать ярость. — Она присосалась к тебе, как пиявка, словно до сих пор имеет на тебя права. А ты только соизволил улыбнуться!

— А что я, по-твоему, должен был сделать? Укусить ее за нос? Плюнуть в лицо? Что бы ты сделала на моем месте? — поинтересовался мой любовник.

— Я не на твоём месте. Поэтому мне не приходится попадать в глупые ситуации со своими бывшими, так же, как и дарить им квартиры в порыве безумной щедрости, — ядовито осклабилась в ответ.

Черт! Ярость не лучший помощник в битве. Если ты не умеешь холодно взвешивать ситуацию, всегда проиграешь.

— Вот оно что! Бесхитростная девочка Свята. Ну что же, можешь стать моей женой. Сейчас самый подходящий момент, у меня снова появились деньги.

Поднявшись с кровати, Роберт пошел к выходу. Я схватила его за руку, но он грубо вырвался.

— Только попробуй уйти! — заорала в слезах. — И ты больше меня никогда не увидишь!

Ответом мне стал громкий хлопок двери.

Обвинения вместо оправданий?! Разве этого я ожидала?! Сволочь бесчувственная! Кем-кем, а меркантильной стервой меня уж точно не назовешь! Почему люди перестают понимать и слышать друг друга во время ссор?!

Словно затравленный зверь, истекая слезами, будто кровью, я металась по гостиничному номеру, желая сотворить что-нибудь грандиозно гадкое.

«Никогда не прошу унижения!» — кричало мое уязвленное эго.

«Как мне жить без него?!» — вторило испуганное сердце.

Вне себя от ярости, заорав во все горло, я рухнула на пол. Пусть на мои крики сбежится народ. К тому моменту порежу вены, вот тогда он поплатится за все! Но ведь мертвых слишком быстро забывают, а такие, как Альба, всегда окажутся рядом для утешения. Возможно, в этот момент уже и оказалась! «Долго царь был безутешен. Но как быть? И он был грешен». Все проходит и все забывается. Забывается, как тогда в первый раз! Ведь простила же, оправдав его измену отсутствием нашей близости. А теперь?! Чем можно будет оправдать очередное вероломство?!

В безумном порыве я вскочила, вытащила из шкафа рубашки Роберта и начала рвать их в клочья. А потом, выбежав в темноту ночи, добралась до ближайшего бара и стала один стакан за другим хлестать виски. Странно, в тот вечер меня не так уж и разобрало! Отчаявшись залить горе, измотанная переживаниями и ревностью, около полуночи я поплелась одиноко в отель. К каким сюрпризам готовиться на утро, пробужусь ли после адской ночи без груза депрессии и тоски? Все будет зависеть от количества принятого снотворного.

На этаже царил полумрак. Силуэт мужчины, отделившись от стены, пошел навстречу. Запах, которым жила последнее время, который доводил до полного обезличивания и растворения в нем, ворвался в мои ноздри.

— Я не сказал ей о тебе, потому что не считал нужным, потому что она перестала для меня что-либо значить, потому что моя жизнь больше ей не принадлежит.

— А кому она принадлежит? — прошептала я, чувствуя, как дрожат мои ладони от болезненной близости.

— Только тебе одной. Без остатка, — хрипло выдохнул он мне в ухо.

Роб медленно провел по моей щеке тыльной стороной указательного пальца, наклонился, чтобы прикоснуться к губам, но вдруг отпрянул.

— Да ты пьяна! — воскликнул он в восторженном удивлении. — Надеюсь, это единственное, что с тобой в этот вечер случилось.

— А с тобой? — хмыкнула я недоверчиво.

— Был ли я с другой женщиной?! На, проверь!

Роберт прижал мою кисть к джинсам, к напряженному члену.

— А теперь дай сюда твои трусы. — Требовательным жестом он протянул ко мне ладонь. — Ты плохо расслышала?

Роб, словно окаменев, застыл с протянутой рукой. Этот момент был чем-то невыносимым, завораживающим, жгучим. В нем рождалось новое чувство, полное стыда и вожделения. Я неторопливо стянула с себя тонкую черную полоску и бросила ему. Роберт прижал трусы к лицу, глубоко вдохнув мой запах. С этим вздохом я набухла и засочилась, но тут же застыла в ошалелой оторопи, почувствовав сильнейшую боль от хлесткой пощечины.

— Никогда не позволяй усомниться в тебе! — выдохнул он в ярости.

Мгновение — и град уже моих ударов обрушился на щеки Роба. А потом, зарыдав, я уткнулась ему в плечо. Так, всего лишь в двух шагах от нашего номера, мы вывернули друг друга наизнанку, заставив заплатить за каждую каплю боли наслаждением.

Бывает ли большее счастье, чем испытала я в тот момент? Не знаю...

Потом между нами было множество сор, некоторые даже заканчивались драками, но переживания той венецианской ночи до сих пор во мне. Думаю, любая девушка согласится: самая важная ценность мужчины — это его преданность!

После свободолобивой Венеции была очаровательная Швейцария, а точнее зимняя поездка в Санкт-Мориц. Великолепные заснеженные горы искрились снежными вершинами. Едешь поутру на фуникулере — и словно в сказку попал. Чем выше поднимаешься, тем сильнее зреет в тебе восторг. Природа влюбляет в себя беззаветно.

В жажде адреналина Роб и Джу забирались на самые высокие пики. Их часами нельзя было дожидаться. Но тем радостней и прекрасней становились послеобеденные встречи за большим столом или возле горящего камина! Собираясь гурьбой, мы играли в карты, пили глинтвейн, а вечером отправлялись в сауну и купались в ледяной проруби. Зимой наши чувства друг к другу безумно обострились. Во всей округе вряд ли можно было встретить пару, счастливее нас. С трудом верилось, что Роберт вообще способен был так безмятежно и спокойно реагировать на мир.

Но несчастье всегда ходит рядом, выжидая подходящего момента, чтобы нанести тебе удар в спину.

На пятые сутки, ожидая в ресторанчике под подъемником ребят после очередного спуска, я вздрогнула от воя сирен. Две спасательные машины с визгом понеслись вверх. Окаатило холодом: это за ними! Вся компания давно подтянулась, не хватало только «сладкой парочки».

Трясущиеся пальцы. Десятки звонков без ответа. Панический шум в голове.

Не знаю, как я дожидала до момента, когда с горы спустился первый снегоход с Джу. Чуть погода вторые электросани привезли Роба, лежащего без сознания. Не помня себя от ужаса, я бросилась к носилкам...

Результатом лихачества стали четыре сломанных ребра у Роберта и вывих коленного сустава у Джу. Ребята не любили рассказывать о произошедшем, но из скудных реплик я поняла: попал в сильнейший туман, они слетели с трассы. Узнала я также и о том, что Джу, несмотря на собственную травму, вытащил друга.

Эти двое, хотя и разительно отличались характерами, были неразлучной командой. Роберт — с вечно

огненным взглядом, импульсивный, грубоватый, задиристый, и Джудит — веселый, легкий, спокойный, но от этого не менее азартный, дополняли друг друга во всем, точно половинки единого целого.

Высокие, видные, уверенные в себе парни не давали покоя многим своим откровенным желанием жить играючи. Их выходки становились поводом не только для восхищения, но и развязывали злые языки завистников, шептавшихся по углам: «Непонятно, какого черта они делают вместе?» Конечно же, физической близости между ними не было. Только настоящая мужская дружба. Хотя, не скрою, меня удивляло, как одни и те же черты принимали столь разную форму в каждом из них. Например, желание заглянуть по ту сторону дозволенного приводило Джу к созерцанию, а Роба толкало на постоянную борьбу с окружающим миром. То, над чем один озорно смеялся, другой язвительно высмеивал. Джудит с удовольствием поддерживал все безумные начинания товарища, и у многих складывалось ложное впечатление, что он ведомый. На самом деле Джу всегда действовал осознанно, в отличие от импульсивного единомышленника продумывая шаги до мелочей. Роб за это ценил его и всегда стоял за него горой, как за младшего брата.

Однажды вечером мы втроем в баре пили пиво. Вдруг кто-то из уже сидевших внутри парней бросил своему собутыльнику довольно громко:

— Смотрите, это же тот красавчик-пидорашка из ночного клуба. Ох, я бы ему натолкал!

Понимая, что говорят о Джудит, я повернулась к нему. Тот продолжал безразлично потягивать из своей кружки «Варштайнер». С Робом дело обстояло похуже. Сжав кулаки, он приготовился к драке.

— Уведи Святу. — Джудит спокойно встал со стула.
— Я сам разберусь.

— Черта с два.

Через секунду мой милый ариец уже был у стола обидчика, и тому сильно пришлось пожалеть о своих словах...

Можно ли гордиться мужчиной, который всегда готов броситься на защиту друга и любимой? Конечно, да! Отвага во все века витала над победоносными стягами рыцарей. И я гордилась, гордилась до той поры, пока не поняла — нити этого бесстрашия уходят в темноту безумия. Именно до него в своей ярости иногда доходил Роб, вмиг превращаясь в чудовище, уничтожающее все на своем пути. В том числе и любовь...

Я подошла к одному из самых непростых моментов моей истории. Если бы могла оставить его по ту сторону страниц, сделала бы с огромной радостью. Но жизнь — не голливудский блокбастер, где герои побеждают зло, невзирая на свои слабости и пороки. В моем случае зло победило Роба.

Пристрастие к алкоголю у моего любовника появилось задолго до нашей встречи. Не могу сказать, что он часто уходил в запой или надирался до потери человеческого облика, но постоянно находиться «под джазом» со временем стало его коньком. Эдакий очаровательный разбойник, которому море по колено, — вечно молодой и вечно пьяный.

Дамы вечно сходят с ума от подобной мужской сексуальности, пропитанной виски и бесшабашной дерзостью. Но увлеченность подобного рода — дорога в пропасть, причем для обоих. В натуре Роба было что-то от разрушителя, я всегда понимала это. Но в состоянии опьянения и без того агрессивный нрав

приобретал садистские нотки. Джудит, сквозь пальцы смотревший на бесконечные дебоши друга в трезвом состоянии, все чаще стал колко поддевать его насчет утраты контроля в алкогольном угаре.

— Ты начинаешь все больше походить на обезьяну, когда пьяный! — раз пошутил он при посторонних.

Роберт расхохотался.

— Человек — это та же обезьяна, только с памятью чуть длиннее!

— Ошибаешься. Человек с бутылкой имеет память, объемом именно с эту бутылку, — парировал вдруг Джудит очень жестко.

Взгляды парней пересеклись, и на их лицах впервые промелькнула тень непримиримого противостояния. На несколько мгновений в комнате воцарилась тишина, а потом Роб хмыкнул и опустил голову.

Наверное, именно с этого дня началось их отдаление друг от друга.

В наших отношениях все было намного трагичнее. Постепенно, день за днем, романтическая элегия перешла в навязчивый кошмар. Влюбленность превратилась в зависимость. Постоянные ссоры, доходящие до драк, взаимные грубые оскорбления затягивали в порочный круг, разрушая нас. Так буйная страсть, одаривая наркотическим дурманом наслаждений, одновременно невыносимо терзала меня, доводя до последней черты, до отвращения к самой себе. Тело, поющее гимны плотским удовольствиям, омертвело, перестало чувствовать, будто задохнувшись в извращенном неистовстве.

В тот период я стала очень вялой и подавленной из-за снотворных, к которым пристрастилась, страдая от постоянной бессонницы. Они же начали усугублять мое депрессивное состояние. Успокоительные —

сначала легкие, а потом тяжелее — всегда были моей слабостью. В год мучительного расставания с Робом река антидепрессантов и седативных препаратов превратилась в океан. В туманной дымке поплыли ночи и дни, лица, разговоры, драки, слезы, крики, сексуальные сцены.

Мысли бились пойманной куропаткой.

— В моей жизни ничего не осталось, — думала я.

А было ли вообще? Что-то большое, глубокое, что могло не просто отложиться в голове, а превратиться в крепкую основу, не подвластную ни воде, ни времени? Может, и нет вовсе в жизни ничего значительного, и мы сами придумываем себе всю эту вдохновенную высоту из-за боязни серости сиротливого существования?

Сложно принять: ты простой чудак среди миллиона таких же усредненных элементов. И желания у тебя обыкновенные, и существование под стать. Проще смалодушничать, заявляя: «Я жила его жизнью, он подавил меня». Конечно, когда тебе мучительно больно, когда ты слаба и потерял контроль над эмоциями, ты будешь думать именно так. Мне совершенно не стыдно за свою униженную гордость. По крайней мере, я смогла справиться со всем в итоге, что само по себе стало достижением!

Терзающее противоборство тела и духа — кто никогда не испытывал подобного, не поймет меня! Так же, как не поймет тысячи моих попыток уйти от Роба. Да, я неоднократно порывалась уйти. В понедельник, во вторник, в среду... Уходила после утренних скандалов, после неудавшихся обедов, хлопала дверью и бросалась в омут ночи. Но снова возвращалась, ополоумевшая от одиночества, в ужасе думая, как буду жить без него и что станет с ним без меня.

В итоге смирилась. И это стало моей роковой ошибкой...

Часто ложно кажется: если спрячешься в раковину — плохому не произойти. Увы! Вокруг глухих шумит огромный мир, а незрячие становятся жертвами собственных капканов воображения.

Как бы мы с Робертом ни старались из последних сил сохранить наши отношения, жизнь уже развела нас по разным углам ринга, подбирая лишь подходящий момент для заключительного раунда. Одним августовским вечером, спустя почти два года нашей совместной жизни, гонг все же пробил, сделав врагами двух людей — Роберта и Джудит.

ГЛАВА 7

Апартаменты в стиле лофт, которые мы с Робом снимали, полностью соответствовали общей концепции нашего мироощущения — максимум свободного пространства и легкости, минимум бесполезных деталей в интерьере, никакой мелочевки и хлама. В нас двоих вмещалась целая вселенная, а остальное — за пределами наших тел и душ — становилось просто балластом, мусором, созданным человечеством для заполнения внутренней пустоты. Тот, у кого уют в доме ассоциируется с огромным количеством приобретенного барахла, пусть даже шикарного и дорогого, нашел бы наше жилище более чем аскетичным. Мы же, смеясь, называли его «скромным обаянием буржуазии». Кстати, ежемесячная рента этого «обаяния» составляла заоблачную сумму, и высокая стоимость зависела не только от престижности района. Размещенные на последнем этаже, наши хоромы имели

собственный выход на полностью оборудованный чердак с искусно высаженным садиком, парой шезлонгов и деревянным подиумом. На нем, разбросав подушки и расставив светильники, нередко вечерами мы располагались в компании друзей. Большой квартиру назвать было бы сложно — всего одна, правда огромная, гостиная, совмещенная с кухней, и спальня. Но за счет удивительно продуманных механизмов все двери, шкафы и даже часть стен двигались и складывались, как трансформеры, видоизменяя и преобразовывая пространство. Разложив ширму между кухней и залом, одновременно раздвинув стену между залом и спальней, можно было превратить апартаменты в огромную студию и, лежа в кровати, смотреть кино на большом экране домашнего кинотеатра. Стоило только поднять с помощью пульта конструкции огромных окон, и ты уже принимаешь ванну на свежем воздухе, в собственном саду!

Вся эта мистерия света и тени напоминала сказку. Оценив при просмотре все преимущества квартиры-конструктора, мы сняли ее, не задумываясь о бешеной цене. И, оказалось, не зря. Всякий раз, когда на грандиозные вечеринки к нам приходило десятка два друзей, мы убирали в стену кровать, раздвигали все перегородки, рядом с барной стойкой устанавливали диджеевский пульт, после чего весь дом начинал гудеть от сумасшедших битов.

Тем вечером мы пригласили друзей по поводу прибывших из Германии одноклассников Роба — двух веселых волейболистов, летевших в Рим через Вену. Планировалась интимная обстановка, человек на десять-пятнадцать, но всегда найдется еще пяток

тех, кто заявится без приглашения, зная, что их не выставят за дверь.

Часам к девяти вечера, когда начало смеркаться, мы перебрались на чердак, включили тихий лаундж и разделились на маленькие компашки. Лежа на софе и болтая с девчонками, я услышала, как Роб, потягивая в нескольких метрах от нас кальян, сказал ребятам:

— Отойду, покурю, а то что-то лицо онемело.

Такая вроде бы простая фраза, а у меня внутри все словно оборвалось! Я встала и пошла следом, еле сдерживая нервную дрожь в руках.

— Ты же обещал мне, Роб! Ты же обещал! — процедила я сквозь зубы, стиснув кулаки, чтобы не разреветься от бессильной злобы.

— Да брось, малыш, была всего одна маленькая дорожка! — Роб обнял меня за плечи с наглой, веселой самоуверенностью, которая появлялась в нем после кокаина.

— Эта дорожка всегда одна — и ты знаешь, куда она ведет! — От навалившейся тяжести стало невозможно дышать.

— Да-да ! Твои дружки-торчки померли от наркоты, помню. Только не заводи снова эту шарманку, — закатив глаза, вздохнул Роб. — Все под контролем, ты же знаешь.

— Я не хочу это слышать, не хочу! — застонала я, закрывая уши ладонями.

— Ради бога! Чего ты от меня тогда хочешь?! — Его глаза начали наливаться кровью.

— Хочу, чтобы тебя, козел, не стало в моей жизни! — заорала я ему в лицо, стукнув со всей дури кулаком в грудь.

Роб схватил мои запястья с такой силой, что у меня потемнело в глазах.

— Ну так иди на хрен! Забирай свои шмотки и вали!

Присутствующие ошарашено затихли. Некоторые поспешили скрыться в комнате. Оставшиеся замерли в замешательстве: продолжать ли делать вид, будто ничего не произошло, или бросаться разнимать нас? Мне было наплевать на всю эту гоп-компанию, постоянно ошивавшуюся в моем доме. Когда-то я, как и они, стремилась отметиться повсюду, пропечатать своим присутствием любую дыру, где наливали, включали музыку, крутили задом. Но сейчас моя жизнь катилась в тартарары, и репутация совершенно не волновала. От постоянных эмоциональных качелей психика начала сбоить, кидая из истерик в меланхолию. Я смотрела на убийцу моего счастья и боролась только с одним желанием — не упасть совсем низко, так низко, чтобы вцепиться ему в глотку. Злость, обида, ненависть вспыхнули во мне одновременно и обескровили. Словно затравленный зверь, который не знает куда бежать, я хватала воздух ртом в жажде конца и одновременно с этим боялась поставить последнюю точку.

— Кому-то действительно нужно уйти.

Вздохнув сокрушенно, я развернулась и и пошла прочь.

— Только не выставляй себя посмешищем в очередной раз. Если хлопаешь дверью, закрывай ее навсегда! — заорал взбешенный Роб.

Сжав зубы, я прошла мимо Сиси, недовольно цокнувшей языком.

А дальше все произошло слишком стремительно, чтобы утверждать: «События развивались именно так, а не иначе».

Воспоминания фрагментарны и обрывисты...

Роберт в опасной стойке на руках на перилах крыши. Джудит, склонившийся к нему с презрительной улыбкой:

— Так могут многие, пойдй дальше — спрыгни.

Мое обмякшее тело, мокрые от страха ладони. В полном безмолвии, с расширенными от ужаса зрачками, все ожидали развязки. Вдруг Роберт изогнулся и преспокойно опустился обратно на деревянный настил. Повернувшись к Джудит, он засмеялся, похлопав его по плечу.

— Что случилось, друзья, почему киснем? Наливайте! — насмешливо обратился Роб ко всем, а потом, подойдя ко мне, виновато улыбнулся.

— Прости подлеца. — Он поцеловал меня в губы. — Дурацкая шутка.

Я ничего не чувствовала. Я словно осталась в том мгновении, когда перед моими глазами в лучах заходящего солнца заблестело тело мерзкого человека, думающего только о себе.

— Стоило тебя толкнуть, — пробормотала в ответ, ополоумевшая от страха.

Гости попытались возобновить разговоры, но веселье получалось слишком нервным и наигранным. Все это время Джудит оставался в тени, задумчивый, отрешенный, как никогда. Улучив минутку, я подошла к другу и, обняв сзади, уткнулась лицом в его спину. Он ласково погладил мои пальцы и произнес:

— Мне очень грустно признавать, но это разложение погубит не только его самого, но и тебя.

— Не бойся, я не настолько слаба.

— Ты намного слабее, чем даже можешь себе представить.

Я сильнее прижалась к его спине, словно пытаюсь найти защиту.

— Ах вот вы где, мерзавцы! — послышался за спиной голос совершенно пьяного Роба. — Дорогая, если бы я не знал, что мой друг «пялит» мальчуганов, то выбил бы ему зубы, а тебя точно отправил ко всем чертям.

Джудит вздохнул:

— Себя пошли уже куда подальше! Пойду. — Повернувшись ко мне, он слегка пожал мне руку. — Держись.

Ушел. Роб иронично скривившись, бросил ему в след:

— Малыш превратился в плаксивого Пьеро.

Я смотрела на пьяного вульгарного мужлана и пыталась понять, какая разрушительная сила удерживает меня подле него.

В тот вечер наш дом опустел на удивление рано. Друзьям давно осточертели наши скандалы, и они взяли за правило не вмешиваться в них. Порой, конечно, появлялись новички с желанием изменить мир к лучшему, но и их энтузиазм очень быстро иссякал. Лишь только захлопнулась дверь за последним ушедшим, я налетела на Роба, едва сдерживая слезы.

— Тебе мало алкогольной зависимости! — заорала я в иступленном отчаянии. — Теперь к ней еще добавится и наркота?!

— Господи! Выключи свою сирену, голова раскалывается, — устало зевнул тот и направился к очередной бутылке виски.

— Не смей прикасаться к ней! — продолжала кричать я, не замечая слез, брызнувших из глаз, как из поломанного крана.

— Да замолчи ты уже! Достала! Весь вечер всем перепортила! Опять накидалась таблеток?

Зажав лоб стиснутыми кулаками, я устало опустилась на диван.

— Чего тебе не хватает?

— Воздуха, свободы, милая! Ты взяла меня за горло и душишь. От такой любви хочется выть. Будешь? — Спокойно протянул мне стакан Роб и, не дождав-шись ответа, выпил сам.

Уставившись в пол, я прошептала:

— Ненавижу!

И словно заклинание слово за словом, выкрикивала:

— Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

ГЛАВА 8

Проснувшись утром, я обнаружила на столе записку.

«Свята, уезжаю в Италию с ребятами. Пока на пару месяцев, а там посмотрим. Нам обоим нужно понять, как жить дальше. Мобильный оставляю дома, чтобы не появился соблазн позвонить. В противном случае мы никогда не сможем расцепить руки.

Р.С. Не бужу, уж очень сладко спишь. По-прежнему люблю, Роберт»

Ошарашенно пробегая по пяти строчкам вновь и вновь, словно в поисках ключа от ребуса, я тщетно пыталась сосредоточиться.

Бух! Бух! Бух!

Гул сердца, шум в голове. Ночнушка взмокла и гадко прилипла к телу.

— Он ушел! — наконец удалось облечь в форму мысль, распадающуюся на атомы. Желудок вмиг свело судорогой.